

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень № 14 (212)

«Азиатско-Тихоокеанское сообщество»
К. Рада и «Восточноазиатское сообще-
ство» Ю. Хатоямы : перспективы и пре-
пятствия для российского участия

Материалы «круглого стола» от 18 февраля 2010 г.

Отдел изучения международных отношений
и проблем безопасности
ИИАЭ ДВО РАН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока продолжает выпуск информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана». Бюллетень издавался с 1974 по 1991 гг.

Цель издания: научно-информационное обеспечение мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР и подготовке к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 г.

Структура, периодичность выхода и содержание бюллетеня будут меняться в зависимости от насыщенности, значимости и ориентации текущих событий в регионе.

Главными принципами подбора и публикации материалов в бюллетене являются:

- *оперативность в освещении событий;*
- *достоверность информации;*
- *ориентация не на описание прошедших событий, а на оценку, их влияние на будущее и прогноз развития ситуации;*
- *практическая значимость.*

Бюллетень распространяется по подписке в бумажном и электронном вариантах.

Под общей редакцией директора ИИАЭ ДВО РАН,
д.и.н., профессора В.Л. Ларина

Предисловие

Уважаемые коллеги, критики, читатели!

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана». В его основе - материалы очередного научно-практического «круглого стола», проведенного отделом международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ и посвященного новым инициативам в сфере тихоокеанской интеграции, не так давно предложенным мировому сообществу лидерами Австралии и Японии .

В последние два десятилетия о регионализме и интеграции в Восточной Азии и АТР пишут и говорят немало. К участию в интеграционных процессах на Тихом океане активно стремится Россия. Но проблем на пути интеграции по-прежнему куда больше, чем реальных достижений. Что могут дать региону в целом и России, в частности, инициативы К.Рада и Ю.Хатоямы? Повлекут ли они за собой изменения в конфигурации международных отношений и балансе сил, могут ли способствовать укреплению безопасности? Реально ли теорию воплотить в практику? Стоит ли обращать серьезное внимание на эти инициативы или они представляют лишь научный интерес? На все эти и другие вопросы попытались ответить участники «круглого стола», среди которых были как ученые, так и практические работники.

В бюллетене представлены расширенные тексты докладов двух ведущих на Востоке России экспертов по вопросам региональной интеграции в АТР - докторов политических наук С.К.Песцова и С.В.Севостьянова, сокращенная стенограмма дискуссии, развернувшейся по этим докладам, а также предложенная к «круглому столу» статья преподавателя Хиросимского университета С.Толстогузова. Данная статья помогает понять взгляды нового японского руководства на окружающий мир и мотивы, которыми руководствовался Ю.Хатояма, выдвигая свои предложения. Мое краткое введение в тему обсуждения оставлено практически в том виде, в котором оно было представлено в начале этого «круглого стола».

Организаторы и участники семинара будут признательны читателям за отклики и комментарии по обсуждавшимся проблемам.

Главный редактор «У карты Тихого океана»

В.Л.Ларин

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: РОССИЙСКИЙ ВЕКТОР

Один из главных внешнеполитических приоритетов российского государства сегодня – интеграция в Азиатско-тихоокеанское сообщество. Этот приоритет декларирован, закреплён в ряде концептуальных документов, утверждённых Президентом России, и в определённой степени реализуется.

Для подобной интеграции у России существует несколько путей:

- *первый* - развитие и углубление политических, торгово-экономических и гуманитарных связей со странами региона;
- *второй* - создание экономической базы и плацдарма для такого сотрудничества на востоке страны;
- *третий* – участие в работе существующих и вновь создаваемых интеграционных структур в регионе.

Выбор не велик, среда и атмосфера для российского участия в региональных процессах – не слишком благоприятная, а поэтому все шансы, даже самые минимальные, должны использоваться с максимальной эффективностью.

Если Россия только прилагает усилия, чтобы интегрироваться в Азиатско-тихоокеанское пространство в качестве его полноправного члена и участника, то аборигены этого пространства – страны Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и южной Пацифики озабочены другими проблемами. Одной из ключевых проблем является создания **эффективных механизмов регионального взаимодействия**, способных помочь в устранении и предотвращении многочисленных существующих и назревающих угроз безопасности, стабильности и ускоренному экономическому развитию региона.

Сегодня ни одна из существующих в АТР межправительственных организаций – ни АСЕАН, ни АТЭС, ни Восточноазиатский саммит – не объединяет все страны региона и не занимается решением

¹ Ларин Виктор Лаврентьевич, директор ИИАЭ ДВО РАН, доктор исторических наук, профессор

всего комплекса существующих и назревающих проблем. В регионе нет ни одной структуры, способной эффективно бороться с угрозами региональной и национальной безопасности, как традиционными (ядерная программа КНДР, гонка вооружений, пограничные и территориальные споры), так и невоенными (изменение климата и его последствия, международная преступность, эпидемии и пр.). Поэтому закономерно, что в последние полтора года на самом высоком уровне были выдвинуты и активно обсуждаются идеи создания двух новых региональных организаций – **Азиатско-Тихоокеанского** и **Восточно-азиатского сообществ**. Автором первой идеи стал премьер-министр Австралии Кевин Рад, второй – премьер-министр Японии Юкио Хатояма.

Идею создания **Азиатско-Тихоокеанского сообщества** (*Asia Pacific Community*) Кевин Рад выдвинул в июне 2008 г. в Сиднее. По мнению Рада, **предназначение** этой организации – способствовать процветанию всех народов Азиатско-Тихоокеанского региона и содействовать поиску ответов на многочисленные вызовы, возникающие в процессе быстрого развития региона, его глубокой социально-экономической, политической и культурной трансформации.

Идея Восточноазиатского сообщества (*Higasi Adzia кёдомай*) осенью 2009 г. стала одним из ключевых пунктов внешнеполитической программы претендента на пост премьер-министра Японии Юкио Хатоямы. Она была изложена в «Манифесте» (предвыборной программе Демократической партии Японии) и получила развитие в ряде выступлений Хатоямы в конце 2009 – начале 2010 гг.

29 января 2010 г., выступая перед нижней палатой парламента страны, Ю.Хатояма представил свою концепцию в несколько трансформированном виде: от первоначальной идеи создания «Моря братства» (*Юай но уми*) в Восточной Азии он плавно перешел к концепции «сотрудничества во имя **защиты жизни** и укрепления **тысячелетних связей стран Азии в области культуры**» (*Иноти то бунка кёдомай*). При таком акценте на общих ценностях азиатских культур, сообщество, тем не менее, не рассматривается как закрытая структура, его идеалом объявлена модель Европейского союза. Предварительным

условием для создания этой организации Хатояма назвал «**нерушимый японо-американский союз**».² Можно, конечно, рассматривать эту фразу как дань юбилею – полувековой годовщине подписания японо-американского договора безопасности, но эксперты, скорее, склонны расценивать это как отказ Хатоямы от своих первоначальных попыток добиться большей независимости от США и проявление неизменности внешнеполитического курса Японии.

Анализа процесса появления и трансформации этих инициатив заставляет обратить внимание на несколько важных моментов.

Первый. Это не первые инициативы Австралии и Японии в этом направлении, причем Австралия была более удачливой в своих начинаниях. Идея создания организации экономического сотрудничества в АТР (Азиатско-тихоокеанского экономического совета - АТЭС) была предложена также премьер-министром Австралии – Робертом Хоком и была тогда встречена с изрядной долей скептицизма. Но именно в Австралии – в Канберре – в ноябре 1989 г. состоялось первое совещание на уровне министров иностранных дел, давшее старт созданию этой организации, которая в этом году отметила свое 20-летие.

Что касается японских инициатив, то их вообще было немало. Первой можно назвать идею создания «сферы процветания Великой Восточной Азии», выдвинутую и разработанную в 1930-е годы принцем Коноэ и ставшую одной из идеологических основ агрессивной политики Японии в Азии.

После войны в 1959 г. известный японский политик Итиро Коно вернулся к этой идее, предложив создать «Тихоокеанское объединение» с целью «приблизить японо-американские отношения к состоянию равенства и обеспечить экономическое развитие отсталых районов Азии». В 1978 г. Институт Номура подготовил специальный доклад на эту тему, который получил поддержку премьер-министра Японии Масаёси Охира. В апреле 1979 г. при канцелярии премьера была даже создана специальная группа для разработки вопросов «Тихоокеанского сообщества».

² Policy Speech by Prime Minister Yukio Hatoyama at the 174th Session of the Diet 29 January 2010 [Политическая речь премьер-министра Юкио Хатоямы на 174-й сессии Парламента от 29 января 2010 г.] // URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/hatoyama/statement/201001/29siseihousin_e.html

Идею создания этой организации поддержал и премьер-министр Судзуки. В январе 1981 г. в Бангкоке он пригласил страны АСЕАН принять участие в «планировании нового порядка в мировом сообществе», в котором Япония и АСЕАН будут играть глобальную экономическую роль.³

Так что Япония, по большому счету, стоит у истоков идеи оформления сотрудничества в АТР, хотя никак не может добиться реализации этих идей. Прежде всего потому, что в странах Восточной Азии к инициативам Японии – учитывая исторический опыт японской политики в регионе – относятся с недоверием.

Второй. Попытка усадить за один и постоянный стол переговоров ключевых игроков АТР, чьи интересы в регионе во многом пересекаются: США, Китай, Японию и Индию. Сегодня они, как сказал К.Рад, «живут в гармонии», но «история должна нас предостерегать, что мир, гармония и согласие – это не есть что-то предопределенное и неизбежное для нашего региона»; «общая безопасность должна создаваться самими государствами, движимыми общей целью». По мнению экспертов из ЮВА, «регион нуждается в такой архитектуре, которая гарантирует, что отношения между великими державами будут преимущественно отношениями сотрудничества, а не соперничества», и в то же время в архитектуре, которая будет способна предотвратить возникновение «концерта четырех держав за счет других меньших региональных держав». Поскольку сегодня таких гарантий не дают ни процессы, инициируемые АСЕАН, ни двусторонние альянсы под руководством США, надежды возлагаются на новую организацию.

Третий. Обе концепции объективно являются проявлением доктрины «связывания Китая» и основываются на идее ключевой роли США в регионе. Идею Восточноазиатского содружества Хатояма выдвинул, в том числе, и в расчете на позитивное отношение и активную поддержку Китая. Возможно, что ее даже спровоцировало выступление Ху Цзиньтао перед студентами Университета Васэда 5 мая 2008 г., где Президент КНР высказался за «строительство Восточноазиат-

³ Совастеев В.В. Геополитика Японии с древнейших времен до наших дней. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2009. С. 123-124.

ского сообщества» (*дунъя гунтунти*).⁴ Однако, последнее заявление Хатоямы о «нерушимом японо-американском союзе» как предварительном условии создания сообщества все расставляет на свои места.

Четвертый. Площадка для российского участия в обоих проектах выглядит достаточно зыбкой.

Во-первых, зыбкой с геополитической точки зрения. Россия не фигурирует ни в числе участников «концерта великих держав», ни как реальная Азиатско-Тихоокеанская держава. Для Хатоямы, как и любого другого японского политика, на первом месте стоит проблема «Северных территорий», а потом уже «сотрудничество с Россией в АТР», что он и продемонстрировал в своей речи в парламенте 19 января. Австралийцы причисляют Россию к составу АТРовских держав лишь потому, что желают слегка замаскировать свое стремление привлечь США к строительству новой региональной архитектуры. Более в этом заинтересован Пекин, которому присутствие России необходимо, чтобы более успешно отвергать обвинения в стремлении к региональной гегемонии, с одной стороны, и иметь партнера в противостоянии с США и их ближайшими союзниками, с другой. Однако Пекин пока лишь подыгрывает в создании региональных организаций, и в будущем, без сомнений, будет играть свою игру.

Во-вторых, с культурной точки зрения. Тот же Хатояма делает акцент на «тысячелетних связях в области культуры». Китайцы при необходимости вспоминают тезис о «Восточной Азии для восточно-азиатов». И если применительно к США или Австралии эта тема смягчается их глубокой вовлеченностью во внутрорегиональные экономические отношения и необходимостью «ядерного зонтика» над Японией и Австралией для защиты от вполне реальных и прогнозируемых угроз, то Россия подобной «подушки безопасности» не имеет.

Сегодня трудно предугадать, какова будет судьба концепций К.Рада и Ю.Хатоямы. Очевидно одно: эти идеи отражают объективные процессы, происходящие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, отражают общую потребность стран и народов региона в создании условий для ускоренного и мирного экономического и социального разви-

⁴胡锦涛在日本早稻田大学的演讲 [Выступление Ху Цзиньтао в Университете Васэда Японии] // URL: http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/yz/1206_25/1209/t450740.htm.

тия. Что касается России, то при всех сложностях ее внедрения в регион, она не должна упускать эти процессы из под своего внимательного контроля и принимать в них активное участие.

С.К.Песцов⁵

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ И ПРАКТИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Необходимость активного включения РФ в интеграционные процессы, набирающие силу в АТР, неоднократно подчеркивалась как представителями отечественного академического сообщества, так и политиками разного ранга, вплоть до руководителей государства. Ряд шагов в этом направлении нашей страной был предпринят в предшествующие годы. Однако их реальный эффект не соизмерим с потенциальными возможностями расширения сотрудничества в регионе. Игнорирование этих возможностей способно не только осложнить процесс развития сибирских и дальневосточных территорий России, но и обострить проблему нарастающего экономического давления на них со стороны быстро прогрессирующих азиатских соседей.

Обе рассматриваемые идеи институционального оформления интеграционного сотрудничества в АТР: и концепция «Азиатско-Тихоокеанского сообщества» австралийского премьер-министра К. Радда, и «Восточноазиатского сообщества премьер-министра Японии Ю. Хатаямы нельзя считать новыми или единственными в своем роде. Достаточно, например, вспомнить, что обнародованный в октябре 2001 г. доклад Восточноазиатской группы перспективного планирования (EAVG), созданной по инициативе президента Южной Кореи Ким Дэ Чжуна, вышел под заголовком «В направлении Восточноазиатско-

⁵ Песцов Сергей Константинович, декан факультета политических наук ТИПП ДВГТУ, доктор политических наук

го сообщества»⁶. К числу практических попыток, ориентированных на решение сходной задачи, может быть отнесено и учреждение в 2005 г. Восточноазиатского саммита (ВАС), еще раз продемонстрировавшее стремление АСЕАН выступить в роли координатора интеграционных процессов в регионе. Тем не менее почти одновременное появление двух региональных инициатив указывает на то, что, во-первых, интеграционные процессы в этой части мира выходят на качественно новый уровень и, во-вторых, меняющееся соотношение сил в регионе вызывает потребность в институциональном переформлении сложившейся системы взаимоотношений.

В этой связи стоит чуть подробнее остановиться на нескольких основных моментах. Первый из них связан с оценкой инновационного содержания концептуальных предложений К. Радда и Ю. Хатаямы, их новизны в контексте общей эволюционной истории азиатско-тихоокеанского регионализма. Второй касается характеристики потенциала жизнеспособности, практической реализуемости указанных идей и их соответствия реальным тенденциям практики регионального сотрудничества в АТР. Наконец, третий, возможно, наиболее существенный вопрос, касается роли и места, отводимых авторами этих и иных современных концепций азиатско-тихоокеанского регионализма России, и возможностей более эффективного участия нашей страны в определении облика этого региона мира.

До недавнего времени развитие регионализма в Тихоокеанской Азии определялось двумя характерными тенденциями. Первая из них связана с генерированием и активным обсуждением множества теоретических моделей региональной интеграции и ее институционального оформления. Вторая отражала крайне осторожную реализацию возможностей группового сотрудничества в институциональных рамках. Как в свое время было замечено одним из исследователей, нигде так часто и так много не обсуждалось разного рода интеграционных проектов, как в Тихоокеанской Азии, и нигде это не приносило столь не-

⁶ Acharya A. Competing Asian Communities: What the Australian and Japanese Ideas Mean for Asia's Regional Architecture [Ачария А. Соперничающие азиатские сообщества: что для азиатской региональной архитектуры значат австралийские и японские идеи] // URL: <http://www.eastasiaforum.org/2009/10/29/competing-asia-communities/24.02.2010>

значительных результатов⁷. Вместе с тем на протяжении всей второй половины прошлого века АТР все более плотно охватывала сеть неформальных кооперационных взаимосвязей, заставив исследователей говорить о формировании принципиально иной («рыночно побуждаемой») модели региональной интеграции. В этой связи важно понимать, пополнят ли рассматриваемые предложения и без того многочисленную группу «бумажных проектов», или же они, отражая реалии интеграционных процессов в регионе, создадут фундамент новой институциональной архитектуры Тихоокеанской Азии.

В своих исходных посылах обе рассматриваемые концепции довольно близки. Прежде всего их авторы исходят из того, что регион в целом, особенно в лице новых «восходящих» держав – Китая и Индии – демонстрирует устойчиво высокие темпы экономического роста. Увеличение его экономического веса влечет за собой необходимость повышения политической ответственности, что вряд ли возможно без укрепления организационного единства. Во-вторых, поскольку позитивное влияние регионального сотрудничества на экономическое развитие сомнений уже не вызывает, необходимо стимулировать интеграционные процессы в регионе, в том числе посредством их институционализации. Оба предложения исходят также из того, что наряду с позитивными переменами быстрый экономический рост региона обостряет целый ряд проблем: дефицит ресурсов и продовольствия, деградация природной среды и т.п., что также требует более эффективной координации усилий в общерегиональном масштабе.

Кроме указанных выше обоснований выдвинутых проектов институционального самоопределения АТР позиции их авторов объединяет и ряд прямо не артикулированных, но отчетливо просматривающихся опасений. Источником главного из них является угроза возрастания притязаний на определение «правил игры» в регионе со стороны новых азиатских гигантов, прежде всего КНР. Не менее серьезной опасностью выглядит и прогнозируемое обострение в условиях экономического роста конкурентной борьбы за ресурсы, в которой ни

⁷ Подтверждение этого можно найти в истории развития идей азиатско-тихоокеанского регионализма, которая достаточно подробно излагается в работах некоторых отечественных специалистов. См., например, Ковригин Е.Б. Противоречия и перспективы формирования «Тихоокеанского сообщества». М.: Международные отношения, 1986.

Австралия, ни Япония уже не обладают явными преимуществами. Наконец, озабоченность традиционных региональных экономических лидеров не может не вызывать сужение их участия в практических интеграционных проектах, реализующихся на самом нижнем (трансграничном) уровне регионализма.

Некоторое сходство обоснования тем не менее не привело к содержательной идентичности австралийской и японской концепций институционализации азиатско-тихоокеанского регионализма. В этом плане, несмотря на внешнюю традиционность, концепция, сформулированная японским премьер-министром, содержит больше оригинальных и продуктивных идей. В частности, раскрывая суть своего предложения, Ю. Хатаяма ссылается на опыт объединенной Европы, прямо указывая, что его идея «Восточноазиатского сообщества» опирается на опыт примирения и сотрудничества в Европе. Это, однако, вовсе не означает, что он не отдает себе отчета в существовании принципиальных различий между двумя регионами или призывает к прямому копированию европейской интеграционной модели. Европейский опыт в этом случае должен восприниматься как подтверждение возможности преодоления исторической враждебности, разделявшей в свое время Францию и Германию и до сегодняшнего дня во многом препятствовавшей прогрессу регионального сотрудничества в Азии. Ссылка на этот опыт отражает стремление Японии преодолеть традиционно подозрительное отношение соседей по региону к любым ее попыткам активизации участия в региональных интеграционных процессах. Другой важной составной частью концепции «Восточноазиатского сообщества» выступает идея функционализма или интеграции в форме открытого регионализма как многоуровневой сети функциональных сообществ. Данную идею, опять же, вряд ли стоит воспринимать как прямую отсылку к классическому европейскому функционализму Д. Митрани или неофункционализму Э. Хааса. В большей степени она представляет собой попытку встраивания в концепцию предлагаемого сообщества реальной практики разноформатных интеграционных взаимодействий в АТР. Третьим, заслуживающим внимание моментом, является попытка сформулировать основу нового

идейного фундамента азиатско-тихоокеанского регионализма. В качестве таковой Ю. Хатаямой предложена философия «братства» («уи-аи») – уважения свободы и человеческого достоинства. В ситуации постепенного ослабления авторитета идей либеральной демократии, в том числе благодаря хозяйственным успехам восходящих западных держав, любые претензии на лидерство в региональной и мировой политике вряд ли возможны без обновления его идеологического обоснования. И Япония, стремящаяся усилить свою роль в региональных делах и одновременно олицетворяющая собой выразителя западных ценностей в их азиатской интерпретации, не может не отдавать себе в этом отчет.

Идея «Азиатско-Тихоокеанского сообщества» К. Радда, по сути, более традиционна. В гораздо большей степени она отражает обеспокоенность Австралии собственным положением в регионе и стремление наилучшим образом, максимизируя существующие возможности и минимизируя угрозы, подготовиться к вступлению в «Азиатско-Тихоокеанский век». К числу главных стратегических направлений такой подготовки премьер-министром отнесены (а) наведение порядка в собственном доме, используя имеющиеся у страны глобальные конкурентные преимущества, (б) укрепление тесных экономических и политических отношений с соседями по региону и (в) создание сильных и эффективных региональных институтов. «Азиатско-Тихоокеанское сообщество» как вариант такого института, по мысли К. Радда, может опираться на уже известные региональные механизмы (шестисторонние переговоры по безопасности в СВА, АСЕАН или Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли). Создание «Азиатско-Тихоокеанского сообщества», таким образом, должно стать завершающим шагом в конструировании региональной архитектуры АТР 2020 г. и приведет к созданию института, охватывающего весь регион, включая США, Японию, Китай, Индию, Индонезию и другие государства, и весь спектр существующих региональных проблем. Однако, в конечном счете, концепция К. Радда ориентирована на создание в АТР институционального формата, позволяющего сохранить влияние группы крупных держав из числа «старых» лидеров посред-

ством превентивной кооптации в ее состав «новых» азиатских гигантов, прежде всего Китая и Индии.

«Проектная» активность глав правительств Японии и Австралии, как уже отмечалось, отражает беспокойство, связанное с все более очевидным и ускоряющимся «перетеканием» интеграционной активности в АТР с «верхних» на «нижние» этажи межгосударственных взаимодействий. Потенциальные возможности углубления региональной интеграции в рамках таких широких объединений, как, например, АТЭС с опорой на торговую либерализацию, сегодня лимитируются рядом объективных ограничений. К их числу относятся неразвитость в регионе необходимой инфраструктуры, фрагментированность очагов производственной активности, слабость систем логистики и менеджмента, широкая распространенность нетарифных ограничений и т.п. Все это в значительной мере сокращает результативность либерализационных мер, направленных на стимулирование торговли как средства экономического роста. Кроме того, перед большинством развивающихся государств региона остро стоят проблемы, которые вообще не поддаются решению такого рода мерами. Сегодня именно эта проблематика и определяет содержание трансграничной кооптации, которая становится наиболее удобным организационным форматом решения этих вопросов. В силу своей специфики трансграничные интеграционные взаимодействия, как правило, наиболее успешно развиваются в зонах непосредственного соприкосновения границ государств-партнеров. А потому с наибольшим эффектом этот интеграционный инструмент может быть использован и используется сопредельными государствами, которые получают определенные преимущества в силу своего географического месторасположения.

В настоящее время наиболее интенсивно трансграничная кооптация в АТР развивается в рамках двух организационно оформленных зон интеграционного тяготения и прилегающих к ним соседних региональных пространств. Первая из них представлена Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), вторая – Ассоциацией регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК). Оба эти объединения в последние годы прилагают заметные усилия, направленные на

укрепление своих организационных способностей, усиление внутренней интегрированности и расширение пространства своего влияния. В рамках каждого направления трансграничное сотрудничество приобретает все большую значимость. В зоне АСЕАН с разной степенью эффективности функционируют несколько трансграничных группировок, старт которым был дан в начале 1990-х г. К ним относятся Треугольник роста (Индонезия – Малайзия – Сингапур) ИМС-ТР, Треугольник роста (Индонезия – Малайзия – Таиланд) ИМТ-ТР, Зона роста Восточной части АСЕАН (Бруней – Индонезия – Малайзия – Таиланд) БИМП-ЕАГА, усилия которых направлены на укрепление интеграционного ядра АСЕАН. Второй тип такого рода интеграционных проектов, примером которого является Зона роста Субрегиона Большой Меконг (СБМ), нацелен на сближение ядра и периферии этого регионального объединения. Третья разновидность трансграничных кооперационных объединений, действующих в рамках АСЕАН, представлена «экспансионистскими» проектами, такими как Тихоокеанское островное субрегиональное сотрудничество AseaPPSC (Индонезия – Папуа-Новая Гвинея и Индонезия – Восточный Тимор), вторгающееся в зону влияния Австралии.

На пространстве СААРК примером трансграничных объединений первого типа является программа Южноазиатского субрегионального экономического сотрудничества (САСЕК), которая начала реализовываться в 2001 г. А созданная в 1997 г. Инициатива многоотраслевой технической и экономической кооперации Бенгальского залива (БИМСТЕК) представляет собой уникальный и весьма перспективный проект по укреплению интеграционных связей между двумя региональными интеграционными пространствами. Все более активно в процессы трансграничного сотрудничества включается в последние годы и Китай, с успехом использующий для этого свои растущие экономические возможности и выгоды географического положения. Приоритетным направлением сотрудничества Китая со странами Юго-Восточной Азии остается трансграничная кооперация в рамках СБА. Вторым важным направлением является сотрудничество со странами

Центральной Азии, активно продвигаемое в рамках программы Центрально-Азиатского экономического сотрудничества (ЦАРЭС).

Что касается России, то ее настоящее и будущее присутствие в качестве сколько-нибудь значимого участника интеграционного процесса в АТР вызывает все большие сомнения. То, что она практически не упоминается в числе предполагаемых членов будущего регионального сообщества ни одним из рассматриваемых проектов, вовсе не случайно. И дело здесь вовсе не в злонамеренном геополитическом заговоре или чьим-то стремлении «выдавить» нашу страну из перспективного региона. Процесс сокращения реального присутствия и политического веса России в АТР, который вряд ли способны предотвратить спорадические вспышки активности на этом направлении, неизбежно снижает интерес к нашей стране даже среди самых активных ее сторонников.

Большая часть российских внешнеполитических шагов на азиатско-тихоокеанском направлении, по-прежнему ограничивается поверхностными политико-экономическими контактами, которые указывают на амбиции РФ, но мало способствуют развитию ее экономического потенциала и полноценному включению в региональные интеграционные процессы. В 1997 г. РФ стала членом АТЭС. Присутствие в этой организации практически не сказалось на расширении и углублении экономических связей с регионом. Разрабатываемые РФ в рамках этой организации ИПД долгое время ограничивались минимумом мероприятий, связанных с предполагаемым вступлением страны в ВТО, и лишь внешне соответствующих стратегическим ориентирам интеграционного процесса в АТР. После того, как задача вхождения в ВТО отошла на второй план, членство России в АТЭС превращается в бюрократическую формальность. В 2005 г. РФ резко активизирует попытки восстановления сотрудничества с АСЕАН. Состоялся 1-й саммит Россия – АСЕАН, на котором были подписаны Совместная декларация о развитии и всеобъемлющем сотрудничестве и Комплексная программа действий до 2015 г. Однако заметных подвижек в сфере взаимного сотрудничества с этого времени не наблюдается. Безуспешной оказалась и попытка РФ в 2005 г. войти в состав Вос-

точноазиатского саммита. Заявление председателя ВАС о согласии рассмотреть возможность участия России в этой организации до сих пор остается простой декларацией. В этой связи даже то, что некоторые региональные «игроки» (Австралия или Китай) вроде бы не отрицают важности участия РФ в будущем Азиатско-Тихоокеанском сообществе, не должно создавать иллюзий. В частности, Австралия, наряду с Сингапуром, Индонезией и Японией, последовательно выступала против участия РФ в ВАС. Что касается Китая, то даже его совместное с РФ участие в ШОС не препятствует реализации собственной стратегии, направленной на то, чтобы в перспективе выступить в качестве наиболее значимого ориентира для экономик стран Центральной Азии, подменив в этом качестве Россию⁸.

Россия становится все менее важной для региона, тогда как значимость последнего для России, по мере смещения сюда центра мировой экономической активности, неизбежно возрастает. В этой связи нашей стране необходимо отказаться от упования на мифические – геополитические, ресурсные, военно-политические или идейные – преимущества, которые способны автоматически гарантировать ей место среди влиятельных региональных держав. Многие из этих преимуществ уже утрачены либо потеряли свое определяющее значение. Поэтому перспективы полноценного включения РФ в экономические и интеграционные процессы АТР сегодня в первую очередь обуславливаются качеством управления и использования того минимума возможностей, которые не утрачены окончательно. Принципиальные шаги, без которых невозможно решение данной задачи, вряд ли могут быть отнесены к числу инновационных. Однако это не снижает важности их практической реализации. Остановимся только на некоторых из них.

Прежде всего многочисленные декларативные заявления о том, что Россия – это евроазиатская страна, должны получить реальное подтверждение в виде детально проработанной азиатско-тихоокеанской стратегии РФ как равновесной составной части долгосрочной концепции ее внешней политики. Эта стратегия не должна

⁸ Участие Китая в региональных интеграционных организациях // Гоцзи маои вэньти. № 3. 2008.

представлять собой набор угрожающих жестов, ориентированных на повышение эффективности российской внешней политики на главном (европейском) направлении или ее статуса как мировой державы. Не должна она опираться и на тактику конъюнктурного балансирования между конкурирующими на пространстве АТР многочисленными игроками, такими как Китай, Индия, АСЕАН, Япония или Австралия. Некоторые из них пытаются использовать Россию в этом качестве для решения собственных задач, а ее вовлеченность в данный процесс способна превратить региональную политику в бесконечную игру с неопределенным исходом. Фундаментом азиатско-тихоокеанской стратегии России может стать четкое осознание национальных и региональных целей, на которые ей следует ориентироваться в долгосрочной перспективе, на преимущества, которые она может извлечь из своего участия в региональных интеграционных процессах, и выгоды, которые она способна предоставить своим партнерам.

Разработка азиатско-тихоокеанской внешнеполитической стратегии РФ, ее интеллектуальное и организационное сопровождение требует серьезного внимания к развитию в восточной части страны специализированных научно-исследовательских структур, способных обеспечить фундаментальную проработку всего комплекса вопросов, связанных с интеграцией страны в АТР и координацию усилий, направленных на теоретическое обеспечение практики межгосударственного регионального сотрудничества и кооперации.

Одним из важнейших условий реализации стратегии успешного проникновения и закрепления России в АТР является предоставление большего пространства и возможностей сибирским и дальневосточным регионам для их включения в региональные интеграционные процессы, проекты развития трансграничного сотрудничества и кооперации. До тех пор, пока повышение самостоятельности регионов будет восприниматься исключительно в качестве угрозы единству страны, ни о какой реальной региональной интеграции не может быть и речи. Стремление к жесткой централизации всей совокупности международных взаимодействий на общегосударственном уровне, в определенных обстоятельствах вполне оправданное, должно ограничи-

ваться разумными пределами. В этой связи попытки укрепить интеграционные связи российского Дальнего Востока с АТР с помощью прокладки новых нефтепроводов и увеличения экспорта энергоносителей, вряд ли дадут необходимые плоды. Конечно, продажа нескольких дополнительных тонн нефти Японии или Китаю способна улучшить статистические показатели. Однако она не сможет заменить многих сотен мелких деловых контактов и связей, которые в действительности и создают фундамент реальной региональной интеграции.

Полноценная интеграция РФ в мировую и региональную экономику требует пересмотра все еще преобладающего в нашей стране представления о международном сотрудничестве исключительно как источника пополнения государственного бюджета. Границы в современном мире все в меньшей степени являются разделительными линиями и в гораздо большей – гибким инструментом стимулирования национального развития в условиях глобализации и интернационализации мира.⁹

С.В.Севастьянов¹⁰

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ РОССИЙСКОГО УЧАСТИЯ

Результаты исследований свидетельствуют о том, что формирование азиатских интеграционных институтов совпадало либо со временем шоковых изменений в системе международных отношений, либо мировых или региональных экономических кризисов. Так, окончание «холодной войны» способствовало появлению Форума АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское Экономическое Сотрудничество) и АРФ (Региональный Форум АСЕАН). Азиатский финансовый кризис 1997 г. обеспечил быстрое становление АСЕАН плюс Три (АПТ).

Недавний мировой экономический кризис способствовал появлению новых инициатив по развитию международного сотрудничест-

⁹

¹⁰ Севастьянов Сергей Витальевич, профессор кафедры мировой экономики и экономической теории ВГУЭС, доктор политических наук

ва в АТР, включая обновленную трактовку строительства Восточно-азиатского сообщества (ВАС) в версии премьер-министра Японии Юкио Хатоямы, предложение по формированию Азиатско-Тихоокеанского сообщества (АТС) премьер-министра Австралии Кевина Радда и уже реализуемый несколькими государствами АТР проект Транс-Тихоокеанского партнёрства (ТТП).

Краткая характеристика действующих региональных институтов

При рассмотрении действующих и новых интеграционных проектов важно учитывать более ранний опыт Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Созданная в 1967 г., она интересна, в первую очередь, тем, что выработанный за долгие годы набор её институциональных норм, получивший название «*путь АСЕАН*» (“*the ASEAN Way*”), стал основополагающим для большинства региональных межправительственных организаций (МПО), включая АТЭС, АРФ, АПТ и др. Обычно «*путь АСЕАН*» характеризуют как процесс региональных взаимодействий и сотрудничества, базирующийся на постепенности, неформальности, консенсусе, личных политических связях, неконфронтационной манере ведения переговоров. Такой подход, с одной стороны, обеспечивает «живучесть» этих международных институтов, с другой – способствует их низкой функциональной эффективности.

Международное сотрудничество в экономической сфере на азиатско-тихоокеанском уровне оформлено, в первую очередь, в виде созданного в 1989 г. Форума АТЭС, членом которого в 1998 г. стала Россия. АТЭС руководствуется принципом открытого регионализма, суть которого заключается в том, что развитие экономического сотрудничества и снятие ограничений на движение товаров, денежных и людских потоков внутри АТР сочетается с требованиями ВТО. При этом организация действует по принципу «согласованных односторонних мер», выполнение которых юридически не обязательно для участников. Пик в деятельности МПО пришёлся на середину 90-х г. прошлого века, когда в Богорской декларации и других документах были определены задачи и намечены пути формирования региональ-

ной зоны свободной торговли (ЗСТ). Тем не менее перспективы формирования на базе АТЭС экономической интеграционной группировки представляются неопределенными.

Во многом это связано с тем, что в деятельности АТЭС продолжают сохраняться принципиальные разногласия по проблеме поддержания баланса между основными сферами деятельности МПО – либерализацией торговли и инвестиций, на чём настаивают промышленно развитые государства, а также программой экономического и технического сотрудничества (ЭКОТЕК). Так, среди развивающихся стран популярно мнение о том, что в сложившихся условиях АТЭС должен уделять преимущественное внимание программе ЭКОТЕК. С Шанхайского саммита 2001 г. эта позиция получает всё большую поддержку.

На прошедшем в ноябре 2009 г. в Сингапуре юбилейном (20 лет со дня создания МПО) саммите АТЭС «красной нитью» в выступлениях докладчиков проходила мысль о том, что за прошедшие годы страны-участницы АТЭС достигли высокого уровня внутрирегиональной экономической торговой интеграции (он составил 67% и превысил уровень ЕС; общий объём внутрирегионального экспорта вырос в шесть раз, общий уровень таможенных тарифов на товары снизился с 17% до 5%). То есть АТЭС способствовал развитию экономической интеграции «де-факто», в то время как «де-юре» – движение к выполнению целей Богорской интеграции (в 2010 г. экономически развитые страны должны были полностью открыть свои рынки для развивающихся государств АТЭС) застопорилось, и их достижение, учитывая оппортунистическую позицию по этому вопросу Японии, РК и других участников, представляется проблематичным.

Что касается экономической интеграции в рамках более компактного региона Восточной Азии, то речь идёт о деятельности двух международных форумов: АПТ (10 стран АСЕАН, Китай, Япония, РК) и Саммита Восточной Азии (страны АПТ плюс Индия, Австралия и Новая Зеландия). Главным «движителем» проекта АПТ является Китай, который задаёт темп в его развитии. Сегодня, это ведущая региональная структура Восточной Азии, в рамках которой сосредоточено

сотрудничество по ключевым направлениям экономической интеграции (торговому и финансовому).

Роль АПТ как ведущего института регионализма оспаривается Японией, которая запустила в жизнь расширенный проект построения регионального сообщества. Желание сбалансировать быстрое геополитическое и экономическое усиление Китая определило политику ряда государств, добившихся в ходе первого саммита Восточной Азии в 2005 г. включения в его состав помимо 13 государств АПТ ещё Индии, Австралии и Новой Зеландии.

При подготовке к первому саммиту Восточной Азии в качестве кандидата на вступление рассматривалась и Россия. Президенту Путину было предоставлено право выступить перед его участниками, и он декларировал желание России вступить в состав новой организации, однако мнения разделились. “За” высказывались Малайзия, Китай, Филиппины и РК. В то же время Сингапур и Индонезия выпустили совместное заявление против намерения Малайзии поддержать российское членство.

В апреле 2005 г. на встрече министров иностранных стран АСЕАН были утверждены три условия, которым должны соответствовать члены Саммита Восточной Азии:

- обладание статусом партнёра по диалогу АСЕАН (получен РФ в 1996 г.);
- присоединение к Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА (подписан РФ в 2004 г.);
- наличие развитых (substantial) отношений с АСЕАН.

По мнению Сингапура, Россия не соответствовала последнему критерию, так как её экономические отношения со странами МПО находились на минимальном уровне. Если же оценить объёмы товарооборота России и Новой Зеландии со странами АСЕАН, то при рассмотрении вопроса о членстве в 2004 г. они были вполне сравнимы (3,1 и 3,5 млрд. дол. США соответственно), то есть нежелание ряда стран принять РФ в состав Саммита было вызвано не только экономическими причинами. Отказ Москве в приёме выявил раскол между участниками по поводу направления развития восточноазиатского ре-

гионализма. В условиях роста влияния Китая в регионе ряд стран (Сингапур, Австралия, Япония, Индонезия) опасались, что включение в новую организацию России усугубит эту тенденцию, в то время как они хотели бы получить от Вашингтона подтверждение его неослабного интереса к Восточной Азии.

В целом, основными направлениями восточноазиатской экономической интеграции являются *торгово-экономическое и финансовое, осуществляемые в формате АПТ*. В 2009 г. на фоне углубляющегося мирового экономического кризиса страны Восточной Азии достигли соглашения о создании крупнейшего в мире регионального валютного фонда объёмом 120 млрд. дол. США для оказания экстренной помощи странам региона, которые смогут оперативно получать её, не обращаясь к МВФ. 80% объёма формирующегося фонда составят средства, вносимые Китаем, Японией и РК, что позволит странам «северной тройки» играть в нём ключевую роль. Важным этапом на пути к *институционально-правовому оформлению торгово-экономической интеграции* будут 2010–2012 гг., когда вступят в силу соглашения о ЗСТ между странами АСЕАН в большинстве форматов «АСЕАН плюс», а также обязательства развитых стран – членов АТЭС по либерализации торговли.

Что касается Саммита Восточной Азии, то в его повестке доминируют более глобальные, но менее значимые для стран региона функциональные направления сотрудничества: изменение климата, экология, борьба с последствиями стихийных бедствий и т.п.

Новые интеграционные проекты в Восточной Азии и АТР

Последние два года охарактеризовались внесением Японией новых акцентов в уже действующую модель формирования ВАС, а также выдвижением другими странами двух новых интеграционных проектов в масштабе АТР. Это было вызвано как геополитическими факторами (желанием ряда государств создать противовесы быстро набирающему политическую и экономическую мощь Китаю), так и экономическими (стремлением обеспечить более эффективное достижение цели торговой либерализации в условиях воздействия мирового экономического кризиса и низкой неэффективности АТЭС). Наконец,

важную роль сыграло принципиальное изменение подходов США к своему участию в многостороннем сотрудничестве в регионе.

Япония традиционно участвует в борьбе за лидерство в действующих в Восточной Азии и АТР интеграционных структурах и влияет на модели формирующихся международных институтов, например, Саммита Восточной Азии. При этом Токио делает акцент на предотвращение регионального сепаратизма и обеспечение интересов глобального экономического сотрудничества, в том числе «периферийных» с географической точки зрения участников. Так, ещё в 2002 г. в речи в Сингапуре, получившей известность как «доктрина Коидзуми», японский премьер-министр выдвинул идею создания «расширенного Восточноазиатского сообщества», выразив надежду, что в его центре будут Япония, страны АСЕАН, Китай, РК, Австралия и Новая Зеландия. Концептуальные основы японского подхода к его строительству были сформулированы в 2005 г. начальником отдела по региональной политике Департамента по делам Азии и Океании МИД Японии Т. Ямадой. По его оценке, в основу региональных структур Восточной Азии должны быть положены следующие базовые принципы:

- «открытого регионализма», рассматриваемого в широком контексте и с упором на понятиях всеобщности;

- «функциональной значимости», означающего совместимость новой структуры с уже действующими в АТР региональными институтами (главная идея – избежать принципиальных противоречий со странами, не вошедшими в новую организацию);

- демократии, прав человека и иных универсальных демократических ценностей;

- развития широких мер доверия в военном и политическом взаимодействии. Предложенные Токио подходы учитывают интересы США, реакция которых (по сравнению с весьма настороженным отношением к АПТ) постепенно стала меняться. В последние годы Вашингтон изменил тактику действий, посчитав, что жёсткое противодействие Пекину в интеграционных процессах контрпродуктивно. С помощью Токио китайское влияние было снижено за счёт включения в члены Саммита Восточной Азии группы дружественных США

стран, которые призваны заблокировать любые попытки придать ВАС антиамериканскую направленность.

Сравнение т.н. «доктрины Коидзуми и сформулированных в 2005 г. японским МИД принципов строительства ВАС с выдвинутыми в 2009 г. новым премьер-министром Японии Хатоямой идеями построения Восточноазиатского сообщества позволяет сделать вывод о том, что они во многом схожи. В настоящий момент можно сформулировать, как минимум, три особенности новых идей Хатоямы.

1. Отсутствие конкретики в предлагаемых форматах сотрудничества.

2. Принципиальная позиция о прямом подключении США, которые призваны играть важную роль в Восточноазиатском сообществе, а американо-японский союз безопасности будет его краеугольным камнем.

3. Особое внимание к человеческой безопасности и повышению качества жизни граждан стран сообщества, включая такие аспекты, как развитие сотрудничества между молодёжью, международного образования и т.п.

Таким образом, главную новизну составила идея подключения США в качестве одного из ключевых участников сообщества. Вероятно, больше конкретики в предложениях по построению ВАС Хатояма добавит в своей речи 13 ноября 2010 г. в Иокогаме, когда Япония будет хозяином ежегодного саммита АТЭС.

Рассмотрение новых вариантов построения единого АТР целесообразно начать с инициативы премьер-министра Австралии Кевина Радда, что обусловлено высокой комплексностью намечаемых интеграционных целей и дипломатической активности, с которой Австралия приступила к его продвижению. В своей речи на саммите АТЭС в Сингапуре в 2009 г., как и ранее на ряде других международных мероприятий в 2008 г., К. Радд выступил с предложением создания к 2020 г. Азиатско-Тихоокеанского сообщества. При этом он отметил большой позитивный опыт субрегионального сотрудничества АСЕАН, а также успехи в конкретных функциональных областях АТЭС, АРФ, АПТ, Саммита Восточной Азии и других МПО и форумов. Од-

нако с учётом европейского опыта он выступил с предложением создания нового общерегионального межправительственного института, который географически будет охватывать весь АТР, а функционально включать в себя все ведущие направления сотрудничества (экономическое, политическое и в области безопасности).

Большой проблемой на пути реализации данного предложения являются вопросы о том, как выстроить институт, который «накроет» собой целую группу уже действующих организаций и форумов, а также какие страны войдут в число участников. С учётом сложности этих задач Радд и его специальный советник Ричард Уолкот сделали это предложение в весьма общей форме, заявив о готовности обсудить его со всеми заинтересованными сторонами и обозначив сравнительно далёкую дату (2020 год) как возможный срок создания АТС.

Наиболее чувствительным является вопрос о членстве в АТС. По мнению Уолкота, это может быть Азиатская Восьмёрка (США, Китай, Япония, Россия, Индия, Индонезия, РК и Австралия) или Азиатская Десятка (вышеназванные страны, а также государства, являющиеся действующим и будущим председателем АСЕАН). В научном сообществе рассматриваются и варианты создания АТС на базе членов Большой Двадцатки. Это могут быть 10 её азиатско-тихоокеанских членов (Австралия, Канада, Китай, Индия, Индонезия, Япония, РК, Мексика, Россия, США) или 6 её восточноазиатских участников (Китай, Япония, РК, Австралия, Индонезия и Индия).

Анализ этих предложений свидетельствует о том, что они, в первую очередь, учитывают интересы великих и крупных средних (Австралия, Индонезия, РК) держав. При этом они «оставляют за бортом» небольшие государства и не являются АСЕАНо-центричными, что характерно для большинства региональных организаций Восточной Азии. В результате предложенные варианты компоновки АТС встретили негативное отношение со стороны стран АСЕАН, в том числе Сингапура, который ранее всегда поддерживал австралийские интеграционные инициативы.

Заслуживает внимания ещё один новый проект, который охватывает сферу экономики. В условиях, когда формальная интеграция в

формате АТЭС застопорилась, ряд небольших стран АТР нашли простой, но эффективный механизм, позволяющий постепенно продвигаться дальше в решении ключевой для региона задачи развития свободной торговли, несмотря на возникшие в ряде развитых стран политические и социально-экономические препятствия.

На саммите АТЭС в Сингапуре в выступлении премьер-министра этой страны Ли Сьен Лунга впервые прозвучало название новой структуры – Транс-Тихоокеанское партнёрство (Trans-Pacific Partnership). ТТП представляет собой соглашение о ЗСТ, заключённое четырьмя государствами АТР (Брунеем, Новой Зеландией, Сингапуром и Чили). Особенностью данной ЗСТ является её высокий стандарт (в отличие от ЗСТ т.н. низкого качества, когда условия соглашения не распространяются на ряд чувствительных для стран-участников сфер торговли). Формат ТТП позволяет подключиться к нему любой стране АТР, готовой развивать торговые отношения на базе принятого высокого стандарта. И этот процесс уже заработал: США, Австралия, Перу и Вьетнам выразили желание присоединиться к ТТП. Подключение к этому соглашению столь значимых для региона участников станет важным этапом на пути постепенного достижения главной цели – формирования ЗСТ в масштабе всего АТР.

При этом формально ТТП не является конкурентом АТЭС, а ставит перед собой ту же главную цель – полную торговую либерализацию АТР. При этом к её достижению ТТП идёт зеркально противоположным способом (не темпом «последнего верблюда в караване», как принято в АТЭС, а быстро увеличивает число участников за счёт тех, кто уже выполнил требования соглашения о ЗСТ, и стимулирует к вступлению всё большее число государств региона).

Изменение американских подходов к интеграционным процессам в АТР

В период нахождения у власти республиканской администрации Дж. Буша-младшего США прибегали к многосторонним механизмам сотрудничества только тогда, когда это напрямую отвечало их интересам. Так, не уделяя особого внимания АТЭС и АРФ, они активно участвовали в Шестисторонних переговорах по проблемам безопасно-

сти Корейского полуострова.

Под воздействием изменений как концептуальных подходов (представители Демократической партии США более склонны применять многосторонние методы сотрудничества), так и внешнеполитической (тяжёлые и непопулярные войны в Ираке и Афганистане) и внутривнутриполитической (начало мирового экономического кризиса) обстановки пришедшая в 2009 г. к власти администрация Обамы в короткие сроки пересмотрела подходы к многостороннему сотрудничеству в АТР и Восточной Азии.

Важную роль в этом вопросе сыграл также тот факт, что все три вышеописанные инициативы (ВАС в трактовке Хатоямы, АТС и ТТП), кроме направленности на решение тех или иных задач, были выстроены с учётом интересов США в регионе и призваны более активно вовлечь Вашингтон в интеграционные процессы, и за счёт этого сбалансировать геополитический и экономический подъём Китая.

Изменения в политике США выразилась в стремлении шире опираться на ресурсы партнёров в обеспечении американских интересов в АТР и готовности активно играть на всех основных региональных площадках многостороннего сотрудничества, включая те, которые ранее по тем или иным причинам не рассматривались в качестве приоритетных.

Так, помимо поддержания высокого уровня государственных отношений с ведущими странами АТР (Китаем, Японией, Индией), США оперативно повысили уровень отношений со странами АСЕАН. Находясь у власти, президент Буш-младший никогда не посещал саммиты АСЕАН, а в отдельные годы их игнорировала и Госсекретарь США Кондолиза Райс, что вызывало негативную реакцию стран ЮВА. Напротив, в первый же год президентства Б. Обамы (2009) был организован первый саммит США–АСЕАН, а также состоялось подписание американской стороной основополагающего для АСЕАН Договора о дружбе и сотрудничестве в ЮВА, который накладывает определённые ограничения на возможности применения ВС США в этом субрегионе. Если учесть, что с поддержанием высокого уровня экономических отношений со странами АСЕАН у США (в отличие от

РФ) проблем никогда не было, то становится очевидным, что в течение только одного года Вашингтон предпринял все необходимые шаги, чтобы соответствовать трём основным критериям, предъявляемым к странам-членам Саммита Восточной Азии.

В программной речи в Центре «Восток – Запад» в Гонолулу, Гавайи, в январе 2010 г. Госсекретарь США Х. Клинтон раскрыла основные приоритеты политики США в АТР и новые американские подходы к многосторонним региональным институтам сотрудничества. Так, в экономической сфере Вашингтон отметил успехи АТЭС и готовность дальше работать в этой организации. При этом было официально заявлено, что США уже начали переговорный процесс по подключению к ТТП как эффективному механизму объединения наиболее развитых экономик АТР.

Одновременно была декларирована готовность США проявлять лидерство в работе азиатско-тихоокеанских институтов. При этом к ведущим среди них, куда входят основные игроки, был традиционно отнесен имеющий уже 20-летнюю историю АТЭС, а также еще молодой, созданный в 2005 г. Саммит Восточной Азии. Более того, было заявлено, что Вашингтон уже обратился к Токио и начал консультации с другими азиатскими партнёрами о том, как сделать, чтобы США смогли играть важную роль в Саммите Восточной Азии и чтобы этот форум более органично и эффективно был встроен в общую инфраструктуру институционального сотрудничества АТР. То есть США продемонстрировали интерес к тому, чтобы, с одной стороны, самим занять достойное место в этой организации, а с другой – постепенно повысить статус Саммита Восточной Азии в общей системе региональных институтов. Что касается инициатив премьер-министра Австралии Радда, то прозвучала лишь высокая оценка его усилий как лидера в развитии диалога в АТР, при этом содержательной оценки самих инициатив, тем более их положительной оценки со стороны США, дано не было.

Рекомендации по российскому участию в регионализме АТР и Восточной Азии

Будущая модель Азиатско-Тихоокеанского региона ближе к НАФТА, чем к ЕС, и нет оснований ожидать создания ни в АТР, ни в Восточной Азии наднациональных институтов даже в отдалённой перспективе. В ближайшие 10–15 лет продолжится формирование интеграционной модели, базирующейся на развитии экономического сотрудничества, когда институты открытого регионализма (АТЭС и/или Саммит Восточной Азии) и закрытого формата (АПТ) могут развиваться параллельными курсами. В интересах подъёма дальневосточных территорий РФ следует конструктивно взаимодействовать с партнёрами на всех уровнях регионализма АТР. Подготовка и проведение саммита АТЭС во Владивостоке должны создать предпосылки для активного вовлечения Восточной Сибири и Дальнего Востока России в интеграционное пространство СВА, что не возможно без качественного увеличения присутствия российского бизнеса на рынках и в экономиках стран АТР. Правительство РФ запланировало на Дальнем Востоке существенные инвестиции в отрасли, занимающиеся производством высокотехнологичной продукции и переработкой ресурсов. Однако иностранные инвестиции в эти сектора экономики будут также необходимы, и, чтобы их получить, требуются энергичные системные усилия.

Подготовка к саммиту создаёт благоприятный фон для налаживания многоплановой работы по наполнению концепций о российских намерениях в регионе реальным содержанием. Необходимо оперативно определиться с российскими приоритетами для совместной работы с членами АТЭС с прицелом на 2012-ый год, которые могли бы, с одной стороны, способствовать улучшению социально-экономического положения населения Дальнего Востока, а с другой – обеспечить внесение Россией весомого вклада в развитие экономического сотрудничества в АТР.

Приоритетных направлений сотрудничества со странами АТЭС необходимо декларировать несколько. Учитывая, что РФ не является членом ВТО, в наибольшей степени её интересам отвечает собственное активное участие и вовлечение партнёров в ЭКОТЕК. В контексте геополитических и экономических реалий СВА тема энергетиче-

ского сотрудничества для Восточной Сибири и Дальнего Востока является ключевой, как и проекты совместного использования транспортного потенциала РФ. Недавние экологические катастрофы на заводах Северо-Восточного Китая, последствия которых охватывают всю СВА, свидетельствуют о том, что актуальна тема сотрудничества в таких сферах, как охрана окружающей среды и ресурсосбережение. В последнем случае важной для России темой может стать предложение о расширении взаимодействия в области рыболовства и сохранения морских ресурсов.

Важное направление – сотрудничество в науке и образовании. В условиях, когда в вузах Владивостока и Хабаровска растёт число иностранных студентов, есть возможности для наращивания экспорта российских образовательных услуг в страны АТР. Особую актуальность эта тема приобретает в условиях реализации во Владивостоке проекта создания Дальневосточного федерального университета. Существуют и другие направления для сотрудничества, актуальность и эффективность которых надо обсуждать и оценивать уже сейчас.

Что касается восточноазиатского региона, то попытка в 2005 г. войти в число стран-основателей Саммита Восточной Азии оказалась неудачной. Для решения этой задачи России необходимо наращивать экономическое и политическое сотрудничество в СВА. В первую очередь, речь идёт о развитии инфраструктуры за счёт строительства энергомоств, нефте- и газопроводов, транспортных магистралей, соединяющих Россию со странами-соседями. Наиболее эффективным способом для получения Россией членства в Саммите Восточной Азии является сочетание функционального и геополитического подходов, то есть на основе расширения экономического сотрудничества (в том числе путём участия в многосторонних проектах развития инфраструктуры как символов регионализма) со странами СВА и выстраивания более сбалансированных политико-экономических отношений с ведущими государствами Восточной Азии.

Перспективы становления новых проектов интеграции в АТР и возможности российского участия

Модель АТС в предложенной Раддом компоновке стран-участников не имеет перспектив развития. Этот проект несёт в себе большие политические риски, так как предполагает смену региональных силовых векторов и полюсов (от стран АСЕАН и Китая в сторону США и средних развитых держав). Следствием этого стали его осторожные оценки со стороны США, Китая и Японии, которые готовы лишь на словах одобрить призыв Радда к повышению эффективности сотрудничества в АТР. Однако официально они его не поддержат, так как учитывают большую роль, которую играют страны АСЕАН в региональной интеграционной архитектуре. При этом и у Китая, и у Японии уже есть действующие интеграционные проекты (АПТ и ВАС соответственно), реализации которых они уделяют первостепенное внимание. Позиция России в отношении этой инициативы тоже должна быть очень взвешённой, чтобы «по старинке» (хотя сегодня для этого нет оснований) не получить от стран АСЕАН обвинений в гегемонизме.

Предложенная малыми странами АТР модель ТТП, напротив, имеет хорошие перспективы развития, обеспечив столь необходимый механизм для преодоления проблем в развитии торговой либерализации в АТР, решение которых с опорой исключительно на инструменты и принципы АТЭС застопорилось. В ТТП продвижение осуществляется по методу «от достигнутого», и о своём предстоящем подключении к этой инициативе уже заявили США, Австралия и другие важные государства региона. Для России же быстрый рост популярности ТТП является ещё одним напоминанием о том, что без скорейшего вступления в ВТО она останется на экономических задворках АТР.

Наиболее значимыми для региона станут дальнейшие события вокруг версии ВАС, выдвинутой Хатоямой. Принципиально новым в ней является важная роль, отводимая США. Это изменение можно рассматривать как шаг Токио навстречу демократической администрации США, которая выразила готовность к большей вовлечённости в многостороннее сотрудничество в АТР и стремление участвовать в работе Саммита Восточной Азии. В 2009 г. Вашингтон оперативно

снял все формальные барьеры, которые могли быть препятствием для принятия США в состав этого института.

В случае вступления США в состав Саммита роль этого форума, который по значимости уступает АПТ, может существенно возрасти. По оценке автора, вступления США в Саммит Восточной Азии можно ожидать уже на осеннем (с приглашением партнёров – не членов АСЕАН) 17-ом саммите АСЕАН в октябре 2010 г. в Ханое. В этом случае предварительно вопрос о приёме новых членов, скорее всего, будет обсуждаться на весеннем (внутреннем) 16-ом саммите АСЕАН в апреле 2010 г. в Хошимине. В 2010 г. Вьетнам является Председателем АСЕАН. В качестве хозяина вышеназванных мероприятий Вьетнам, имеющий хорошие межгосударственные отношения, как с США, так и с Россией, является отличным кандидатом для того, чтобы одновременно пригласить к вступлению в Саммит Восточной Азии и Вашингтон, и Москву.

Таким образом, речь необходимо вести о «пакетном решении», когда США и Россия могут одновременно вступить в состав Форума. О наличии такой возможности на уровне «второй дорожки» неоднократно высказывались представители Японии и других государств, которые в 2005 г. заблокировали приём РФ в эту структуру. Российской дипломатии необходимо активизировать усилия по проработке возможностей реализации предложенного выше пакетного решения, начав переговоры по данному вопросу в ходе подготовки к предстоящему в этом году саммиту Россия – АСЕАН, а также отдельно с каждым из большой группы наиболее влиятельных региональных игроков. В первую очередь это касается Вьетнама (председателя АСЕАН в 2010 г.), Японии, Сингапура, Индонезии, Австралии (у них в 2005 г. были возражения против российского членства), Китая (в 2005 г. не оказал активной поддержки российской кандидатуре, а был готов лишь на присоединение к мнению большинства стран-участников) и, наконец, самих США (обсудить с ними такую возможность в свете существенно улучшившегося состояния российско-американских отношений и найти с ними точки соприкосновения по данному вопросу). Если же не присоединиться к США и упустить шанс предложен-

ного выше, имеющего геополитический оттенок «пакетного решения», то, учитывая, что в условиях кризиса уровень экономического сотрудничества РФ со странами АСЕАН только снижался, в будущем вступить в состав Саммита Восточной Азии для России будет проблематично.

С.А.Толстогузов¹¹

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЮКИО ХАТОЯМЫ. ИТОГИ ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ

В сентябре 2009 г. после сокрушительного поражения на выборах в нижнюю палату закончилось почти пятидесятилетнее господство Либерально-демократической партии на политической сцене Японии. На волне растущей поддержки избирателей лидеры оппозиции раздавали многочисленные обещания, предполагающие крупномасштабные сокращения налогов (включая отмену налога на бензин), выделение субсидий на детей, изменение системы образования и отмену платы за учебу для малообеспеченных семей, увеличение субвенций регионам, раскрытие правды о закрытых договоренностях с американским правительством о заходах военных судов с ядерным оружием на борту и другие.

Часть обещаний касалась внешней политики, реализацией которых пришлось заниматься новому правительству после прихода к власти. Прошло более ста дней после формирования нового кабинета, и есть повод подвести некоторые итоги. Тем более что 29 января 2010 г. японский премьер выступил с обширной речью в парламенте об основных направлениях курса администрации, в которой он наметил основные направления деятельности своего кабинета на ближайшее время. Она содержит достаточно много новых моментов по сравнению с первоначальными заявлениями администрации Ю. Хатоямы, в

¹¹ Толстогузов С.А., Ph.D., преподаватель Хиросимского университета

связи с тем, что внешнеполитические итоги деятельности кабинета оказались далекими от ожиданий.

Одним из ключевых пунктов внешнеполитической программы Ю. Хатоямы стала идея Восточноазиатского сообщества (Хигаси Адзиа кёдотай). В «Манифесте», предвыборной программе Демократической партии Японии, основное внимание уделяется внутренним проблемам, вопросам же внешней политики посвящено всего пять из пятидесяти пяти пунктов. Один из них, наряду с «построением тесных и равноправных японо-американских отношений», «непризнанием права Северной Кореи на обладание ядерным оружием», «достижением мира и процветания во всем мире», «уничтожением ядерного оружия, устранением угрозы терроризма», предусматривал «усиление дипломатической активности в Азиатском регионе, поставив целью строительство Восточноазиатского сообщества»¹².

Идея Восточноазиатского сообщества предполагала формирование новых доверительных отношений со странами Азии и в первую очередь с Китаем и Южной Кореей, создание в Азии системы регионального сотрудничества в таких сферах как торговля, финансы, энергетика, защита окружающей среды, борьба со стихийными бедствиями и эпидемиями, активное ведение переговоров по заключению соглашений об экономическом партнерстве и зонах свободной торговли с различными странами мира, в особенности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В январской речи премьер-министра восточноазиатское сообщество стало видеться в виде так называемого «Иноти то бунка кёдотай (Жизненное и культурное сообщество)»¹³, по своему типу схожего с Европейским Сообществом, при этом «постоянно углубляющее свое объединение, истинно открытое по своему содержанию». Новый термин «Иноти то бунка кёдотай» пришел на смену предыдущему - «Юай но уми»¹⁴. Это замена объясняется сменой акцентов в политике кабинета,

¹² Минсюто сэйкэн кояку. Manifesto (Демократическая партия Японии: официальные обязательства власти. Манифест). Токио, 2009. 18 августа. С. 22-23

¹³ Судя по разъяснению в тексте, это означает «сотрудничество во имя защиты жизни, и укрепление связей в области культуры». - Хатояма сюсё но сисэй хосин эндзэцу дзэнбун // Тюгоку симбун, 2010. 30 янв. с. 4.

¹⁴ Может переводиться как «Море братства» или «Море любви и братства».

поворотом к более фундаментальному сотрудничеству с американской администрацией. Ю.Хатояма подчеркнул, что идея Восточноазиатского сотрудничества «абсолютно не является собранием только части стран региона, направленным против других стран, или экономическим объединением, направленным на противостояние с другими ассоциациями»¹⁵. Более того, он заявил, что «нерушимый японо-американский союз, важность которого продолжает оставаться неизменной, является насущным предварительным условием для формирования Восточноазиатского содружества»¹⁶.

В этой речи отношения с Америкой выделены в качестве приоритетных, и им уделено наибольшее внимание. Премьер видит главную цель в «осуществлении сотрудничества по обширному кругу вопросов и в развитии и углублении союза с превращением в многоуровневые союзнические отношения». Для чего дается твердое обещание к маю вынести решение относительно места переноса базы в Футэмма.

В развитие этой идеи в январе 2010 г. начались консультации с США по проблеме углубления союзнических отношений двух стран. Круг обсуждаемых вопросов был очень широк и включает участие Японии в американских проектах противоракетной обороны, борьбу с терроризмом, защиту от компьютерных атак, сотрудничество в ликвидации последствий стихийных бедствий¹⁷.

Японо-американские консультации начали проводиться на фоне обострения китайско-американских отношений из-за поставок США оружия Тайваню, встречи президента Б. Обамы с Далай-ламой, конфликта вокруг китайского представительства «Google» в Пекине. Одновременно была поднята шумиха по поводу противоречий между японскими и китайскими учеными в совместной комиссии по вопросам истории¹⁸.

¹⁵ Тюгоку симбун. 2010. 30 янв. с. 4.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Нитибэй, домэй синка гирон э, Мисайру боэй рэнкэй надо//Нихон кэйдзай симбун. 2010. 31 янв. С. 2.

¹⁸ Основные расхождения касаются японской политике в Китае накануне и во время Второй мировой войны. Стороны не могут договориться о количестве жертв во время захвата Нанкина японскими войсками. Японская сторона согласна с максимальной цифрой в 200 тыс. человек, в то вре-

Дополнением ко всему стали нарастающие проблемы японского автомобильного гиганта «Тойота». 25 ноября 2009 г. он объявил о крупномасштабных отзывах своих машин в Америке, включая самые современные и наиболее конкурентоспособные модели с гибридными двигателями. Президент концерна «Тойота» Акио был вынужден выступать на слушаниях в американском конгрессе и со слезами на глазах оправдывать действия своей компании.

В Америке началось не только сокращение продаж автомобилей «Тойота», но других производителей из Японии, включая «Хонду» и «Ниссан». Более того, была поставлена под сомнение надежность электронной системы, представляющей собой ключевой элемент гибридных двигателей, на которые делается основная ставка при расширении продаж на американском рынке.

Меняющаяся ситуация заставляет японского премьера искать новые сферы возможных действий с Соединенными Штатами. Одной из них может стать разоруженческая тематика, где у Японии есть давние традиции, связанные с событиями в Хиросиме и Нагасаки. Б. Обама согласился не только поддержать выносимую каждый год на заседание Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию, предлагающую всем странам прилагать усилия к ликвидации ядерного оружия, но и впервые пошел на то, чтобы предложить её от имени США и Японии.

Такая резолюция выдвигается ежегодно японскими представителями с 1994 г. Однако отношение к ней администрации президента Буша всегда было негативным, и американская делегация восемь лет подряд голосовала против неё. И вот теперь ситуация кардинально изменилась. Пражские инициативы президента Б. Обамы по построению мира без ядерного оружия открывают определенные возможности для дальнейшего сотрудничества США и Японии¹⁹.

Поддержка этой резолюции стала единственным по-настоящему позитивным моментом в отношениях Японии с Соединенными Штатами за первые месяцы нахождения у власти. Соответственно Ю. Ха-

мя как китайская сторона исчисляет их не менее чем в 300 тысяч. «Нанкё» гисэйсу итти сэдзу, Хококусё о кохё//Тюгоку симбун. 2010. 1 февр. С. 1.

¹⁹ Сокай га каку хайдзэцу кэцуги. Кокурэн, 16 нэн рэндзокудэ сайтаку//Тюгоку симбун, 2009. 4 дек. С. 5.

тояма в своем январском выступлении выразил надежду на сотрудничество с Америкой на предстоящем саммите по вопросам безопасности и обзорной конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия. Последним двум проблемам уделяется особое внимание, потому что «крайне важным является японо-американское взаимодействие в построении безъядерного мира»²⁰.

Двусторонние отношения Японии с Китаем, Россией и Кореей в докладе Ю. Хатояма попали в раздел, где излагается политика в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Здесь указывается на необходимость в первую очередь совершенствовать стратегически взаимовыгодные отношения с Китаем, ограничившись только этой короткой фразой. Это означает, что отношения с Китаем отошли на второй план и предпочтение в политике отдается Америке. Такой поворот отражает несколько важных итогов внешнеполитической деятельности администрации Хатоямы за первые несколько месяцев.

Во-первых, идея Восточноазиатского содружества была выдвинута во многом в расчете на позитивное отношение и активную поддержку Китая, который в свое время и предложил ее. В последний раз Ху Цзиньтао говорил о необходимости совместными усилиями строить Содружество Восточной Азии еще во время своего визита в Японию в мае 2008 г.

Япония рассчитывала таким образом получить поддержку Китая и стран АСЕАН и таким образом найти путь вхождения в Соглашение о свободной торговле, заключенное между Китаем и странами АСЕАН и начавшее действовать с января 2010 г.

На саммите АСЕАН 23-25 октября 2009 г. Ю. Хатояма предложил «активизировать дискуссию, направленную на построение Содружества Восточной Азии, основанного на принципах открытости и прозрачности»²¹, продемонстрировав, что именно АСЕАН может стать ядром²² будущего содружества. Однако эта идея была воспринята партнерами Японии в прямом смысле как призыв к активному обсуждению. В Заявлении председательствовавшего на встрече премье-

²⁰ Тюгоку симбун, 2010. 30 янв. с. 4

²¹ «Кёдотай» котику э рэнкэй. // Тюгоку симбун. 2009. 26 окт. с. 3

²² <http://headlines.yahoo.co.jp/hl?a=20091024-00000002-mai-pol>

ра Таиланда было рекомендовано рассмотреть японские инициативы, но только как одно из возможных направлений дискуссии наряду с предложением Австралии о создании Азиатско-Тихоокеанского Содружества. Также приветствовалась идея Филиппин о приглашении других глав Азиатско-Тихоокеанского региона для обсуждения проблем регионального экономического сотрудничества²³. Практически это означало начать дискуссию с вопроса о том, каким должно быть содружество - Восточноазиатским или Азиатско-Тихоокеанским, причем не нашлось желающих пригласить остальные страны Восточной Азии, чтобы уравновесить предложение Филиппин. Соответственно, дискуссия не предполагает обсуждения конкретных вопросов строительства союза, в то время как внутри АСЕАН уже несколько лет идет укрепление внутренней структуры на основе созданных в 2006 г. трех советов по вопросам политики и безопасности, по экономическим проблемам и социально-культурным вопросам.

В общем Ю. Хатояма смог занести себе в актив только то, что «практически все руководители, участвовавшие в саммите, разделяли его идеи»²⁴ и приветствовали предложение открыть дискуссию о построении Содружества, но не более того. Как отметил сам Ю. Хатояма, на реализацию идеи может потребоваться 10 лет, что показывает, что она не была безоговорочно поддержана всеми участниками встречи.

Поэтому в программной речи премьер-министра в январе 2010 г. отношениям с АПЕК было отведено очень скромное место. Япония взяла на себя обязательства выработать новую стратегию развития региона, и премьер определил свои задачи, как: «активно руководить дискуссией, направленной на выработку»²⁵ такой стратегии.

Китай также не проявил большого желания принять Японию в члены соглашения с АПЕК, потому что он естественный экономический конкурент Японии. За всем этим стоит нарастающее давление Китая на Японию в экономической области. Китай уже вытеснил «Страну восходящего солнца» с третьей позиции в мировой торговле,

²³ http://www.15thaseansummit-th.org/PDF/25-08_EAS%20Statement.pdf

²⁴ <http://headlines.yahoo.co.jp/hl?a=20091025-00000062-jij-pol>

²⁵ Тюгоку симбун. 2010. 30 янв. С. 4.

и теперь намерен в ближайшем будущем заменить её на втором месте в мире по общему объему ВВП. Обе страны имеют экспортно-ориентированные экономики, которые не могут успешно функционировать при отсутствии такого мощного импортера, как Америка. Поэтому соперничество между ними за американский рынок будет продолжаться, особенно в такой важной отрасли как автомобилестроение. Соответственно, это будет создавать постоянные трудности при создании Содружества как экономического объединения. Китай предпочел бы не организовывать азиатский альянс против Соединенных Штатов, а существенно потеснить Японию с позиции главного союзника Америки в Азии. Это означает, что Япония в результате этих перемен в своей политике может больше потерять, чем приобрести.

Другим важным направлением в формировании японской политики сотрудничества с Китаем должна была стать проблема Северной Кореи. Еще на сентябрьской встрече руководителей двух стран стороны сошлись во мнении относительно необходимости совместных усилий по ликвидации ядерного оружия на Корейском полуострове, а китайская сторона заявила, что будет продолжать усилия, направленные на возвращение Северной Кореи за стол переговоров в рамках шестистороннего диалога²⁶.

Именно в русле этой северокорейской проблемы начало развиваться сотрудничество возможных участников Содружества Восточной Азии после завершения встреч в Нью-Йорке и Питтсбурге. 28 сентября в Шанхае состоялась встреча министров иностранных дел Китая, Японии и Южной Кореи, на которой обсуждались планы конкретных действий представителей трех стран. Министры продемонстрировали редкое единство мнений в вопросе о Северной Корее. Окада Кацую заявил: «Мы требуем скорейшего возвращения Северной Кореи за стол шестисторонних переговоров», с чем полностью согласился Ян Цзечи, который предложил «продолжить прилагать усилия, чтобы Северная Корея вернулась за стол шестисторонних переговоров»²⁷.

Китайским руководителям пришлось срочно применить сильные дипломатические средства с целью побудить северокорейских

²⁶ Хигаси Адзиа кёдотай о тэйан. //Тюоку симбун. 2009. 23 сент. С.1.

²⁷ Хигаси адзиа кёдотай э кёрёку. //Тюоку симбун. 2009. 29 сент. С.5.

представителей проявить гибкость и пойти навстречу мировому сообществу. В Корею был направлен премьер-министр КНР Вэнь Цзябао, которому достаточно быстро удалось уговорить северокорейского лидера Ким Чен Ира вернуться за стол переговоров. На встрече руководителей Японии, Южной Кореи и Китая, прошедшей 10 октября, Вэнь Цзябао, говоря о результатах своей встречи с Ким Чен Иром, заявил: «Возможно обретение позитивных подвижек в вопросе о возобновлении заседаний шестисторонней комиссии. Сейчас есть шанс. Если его не использовать сразу, то он быстро исчезнет»²⁸. После этого премьер Вэнь Цзябао попросил своих партнеров пойти на конструктивное сотрудничество в этом вопросе.

Китай смог на некоторое время добиться согласованных действий со стороны Японии и Южной Кореи, которые прежде предпочитали блокироваться с США, оставляя Китай в меньшинстве на шестисторонних переговорах в паре с Россией. Это оказалось наиболее существенным реальным результатом дипломатических маневров начала осени 2009 г.

Такие итоги не устроили ни Японию, ни Южную Корею, а также позже подключившиеся к этому процессу США. Консультации по Северной Корее проводились в основном между США, Китаем и Республикой Корея, оставив Японию вне круга активных участников, что отражало ее пассивное отношение к готовящейся Северной Кореей новой масштабной попытке вернуться в мировое сообщество и, соответственно, возможными расходами на экономическую помощь Северной Корее.

Первый день 2010 г. был отмечен опубликованной в центральной прессе Северной Кореи редакционной статьей, в которой говорилось о необходимости существенных перемен, предусматривающих в первую очередь изменение внутренней политики, и был выдвинут лозунг всеобщей мобилизации усилий на повышение жизненного уровня населения. В области внешней политики также декларировались новые подходы. Например, фундаментальной задачей объявлялась необходимость положить конец враждебным отношениям с США для по-

²⁸ <http://headlines.yahoo.co.jp/hl?a=20091010-00000534-san-pol>

строения прочного мира и достижения денуклеаризации Корейского полуострова²⁹.

11 января последовало заявление МИД Северной Кореи, основные пункты которого гласили: приоритетной проблемой является нормализация отношений с Америкой (для выстраивания этих доверительных отношений должен быть подписан мирный договор), переговоры о достижении соглашения возможно проводить в рамках шестисторонних консультаций, которые могут начаться сразу после отмены санкций в отношении Северной Кореи³⁰.

Попытка Северной Кореи ставить свои условия вызвала негативную реакцию во всех заинтересованных странах. Япония, США и Южная Корея выступили с ответными заявлениями, требующими безусловного возвращения Северной Кореи на шестисторонние переговоры.

В Вашингтоне 19 января помощник государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Курт Кемпбелл заявил, что только в рамках шестисторонних переговоров КНДР сможет вести консультации с США в двустороннем и других форматах.³¹ Министр иностранных дел и внешней торговли Южной Кореи Ю Мен Хван 22 января заявил, что КНДР должна безоговорочно вернуться за стол шестисторонних переговоров и сначала добиться прогресса в деле денуклеаризации³².

В отношениях двух корейских государств сохраняется значительная напряженность, а выступления южнокорейских министров содержали острые выпады против Северной Кореи. Министр обороны Южной Кореи Ким Дэ Ен 20 января 2010 г. заявил о возможности превентивных ударов по Северной Кореи, если будут признаки намерения Северной Кореи совершить нападение или применить ядерное

²⁹ Бэй то тэжитай канкэй сюсоку о, Кита Тёсэн синнэн кёдо сяэцу//Тюгоку симбун. 2010. 3 янв. с. 3.

³⁰ Хэйва кётэй Годзикоку кайдан о, Роккакоку кёги, Сэйсай кайдзё нара фукки//Тюгоку симбун. 2010. 12 янв. С. 1.

³¹ США требуют возобновления шестисторонних переговоров до заключения мирного договора, <http://russian.people.com.cn/31520/6873982.html>

³² Глава МИД РК заявил, что КНДР должна безоговорочно возвратиться за стол шестисторонних переговоров, <http://russian.people.com.cn/31520/6876922.html>

оружие³³. Газета «Чосон Ильбо» обнародовала планы правительства на случай возникновения чрезвычайной ситуации на севере. По сведениям газеты на уровне правительства с 2008 г. разрабатывались различные варианты действий на случай экстраординарных ситуаций, таких как смерть Ким Чен Ира, возникновение борьбы за власть и переворот, народное восстание, массовый исход населения из страны, а также санкции и нападение извне³⁴. Однако все они не предусматривали возможности прямых переговоров Севера и Юга для урегулирования ситуации.

Заявление МИД Северной Кореи вызвало повышенный интерес в США, которые начали консультации о возможности оказания Северной Корее гуманитарной помощи. Поэтому ситуация на Корейском полуострове стала объектом особого внимания при подготовке совместного заявления Японо-американского консультативного комитета по вопросам безопасности, сделанного по случаю пятидесятилетнего юбилея заключения японо-американского союза. В нем говорилось: «Япония и Америка будут тесно взаимодействовать между собой и кооперироваться со своими партнерами на различных международных площадках, включая шестисторонние переговоры, в поиске ответов на угрозы в связи с Северокорейскими программами ядерного и ракетного оружия, а также для решения гуманитарных проблем»³⁵. В нем содержится намек на возможность совместных действий по оказанию гуманитарной помощи Северной Корее, что не радует японскую общественность, дискутирующую по поводу сокращения различных внутренних программ, и не испытывающей большого энтузиазма относительно использования своих финансовых средств на стабилизацию экономической ситуации в Северной Корее.

В совместном японо-американском заявлении вопрос о Северной Корее отеснил на второе место отношения с Китаем. По поводу КНР говорилось, что Япония и Америка также будут стремиться развивать отношения сотрудничества с этой страной, поощряя ее к кон-

³³ Республика Корея заявила о готовности нанести превентивные удары по КНДР, <http://russian.people.com.cn/31520/6874430.html>

³⁴ Сеул изменил план на случай смены власти в КНДР, <http://www.newsru.com/arch/world/14jan2010/kndrseul.html>

³⁵ Нитибэй андзэн 50 нэн. Кёдо сэймэй но дзэнбун//Нихон кэйдай симбун. 2010. 20 янв. С. 7.

структивной и ответственной роли на международной арене. При этом Япония и США определили своей целью расширение регионального сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе³⁶.

Активизация США в вопросе о Северной Корее опять вывела их на роль первого игрока в Восточной Азии. США также предстоит заниматься вопросом о заключении мирного договора с Северной Кореей, на чем настаивает Ким Чен Ир. Речь идет об одновременной денуклеаризации Корейского полуострова, заключении договора между Северной Кореей и Америкой и оказании масштабной экономической и гуманитарной помощи корейским планам экономического возрождения.

Разочаровывающими для Японии были результаты декабрьского саммита в Копенгагене. Для нее он имел стратегическое значение, учитывая японские претензии на мировое лидерство в экологических технологиях и её заслуги в деле принятия Киотского меморандума 1997 г., существенно повлиявшего на мировую экологическую политику. Поэтому японский премьер заранее обнародовал обещания к 2020 г. сократить выбросы углекислого газа в стране на 25% по сравнению с 1990 г.

Несмотря на договоренности с Б. Обамой в Токио о сотрудничестве с Америкой в области экологии, готовность японской стороны взять на себя высокие обязательства не получила поддержки США, которые ограничились очень скромными обещаниями - 17% по отношению к уровню 2005 г., что означало только 3-4% по отношению к уровню 1990 г. Еще более разочаровывающими были предложения Китая, который повел активную борьбу против японских инициатив, соглашаясь на ограничения роста выбросов парниковых газов, а не на их сокращение.

По всей видимости, японский расчет строился на том, что Америка будет продолжать давление на Китай, поэтому естественным образом окажется в одном лагере с Японией. Однако США решили отказаться от конфронтации с Китаем по вопросам охраны окружающей среды и попыталась достичь компромисса. Япония в Копенгагене бы-

³⁶ Тьюгоку симбун. 2010. 30 янв. С. 4.

ла отставлена от выработки конечных решений, которые проводились на американо-китайских переговорах. Отказ от встречи с Б. Обамой оставил Ю. Хатояма в роли простого наблюдателя там, где он собирался набрать немало политических очков.

В результате стало ясно, что Америка с Китаем могут решать вопросы глобального характера, не оглядываясь на позицию Японии. Тем не менее американская позиция для Японии остается значительно ближе, чем позиция Китая, который предпочитает причислять себя к защитникам интересов развивающихся стран, нежели вставать в ряды развитых.

Результатом этих событий на международной арене стало существенное изменение акцентов в курсе Ю. Хатояма и возвращение к идее базового значения японо-американского союза для всей японской политики. Скорее всего, именно этим вызвана реанимация проблемы изложения истории в японских и китайских учебниках. Напомним, что Совместная комиссия по изучению истории была создана в октябре 2006 г. по решению высших руководителей Японии и Китая. 24 декабря 2009 г. она обнародовала результаты своей деятельности по рассмотрению истории с древнейших времен до окончания Второй мировой войны. В этом заключении, содержащем 550 страниц текста, осталось несколько существенных моментов, по которым не удалось достичь компромисса, таким как характер войны Японии в Китае, количество жертв в Нанкине и так далее. Обнародование этих расхождений длительное время откладывалось и произошло только сейчас, отражая важность проблемы в японо-китайских отношениях.

В нынешней ситуации давление США на Японию и Китай оказалось настолько сильным, что Ю. Хатояма показал готовность пойти на уступки по вопросу о базе Футэмма. Японская сторона стала рассматривать варианты переноса базы в Кэмп-Шваб в качестве основных для решения этой проблемы. В проект строительства взлетной полосы были внесены существенные изменения, предусматривающие перенос ее с насыпной площадки в лагуне в прибрежную часть острова. Кроме того, скорее всего японская сторона пойдет на дальнейшие уступки и предоставит возможность для размещения на территории

страны подразделений американской морской пехоты из Футэмма, которые по предыдущему соглашению должны были перебазироваться на Гуам.

Тем не менее действия США опять вернули ситуацию в Восточной Азии в тупик. Подвергаясь мощному давлению, Америка не может предложить ничего кроме схемы отношений времен «холодной войны». В союзе с Японией она противодействует Китаю в Восточной Азии, а в союзе с Австралией – Китаю в Юго-Восточной Азии. За Японией не признается право быть третьей державой и иметь свою собственную позицию в отношении Китая, что в долгосрочном плане не может не вызвать недовольства Японии, которой необходимо адаптироваться к реалиям нового времени и превращению Китая во вторую по экономической мощи державу мира.

Схемы времен «холодной войны» уже не соответствуют интересам самих Соединенных Штатов, которые намерены решать такие проблемы, как северокорейский вопрос. Это требует иной стратегии и иного поведения союзников, которое далеко выходит за пределы представлений времен «холодной войны», что неизбежно делает подобные маневры только временным явлением.

В своем выступлении Ю. Хатояма уделяет очень мало внимания России, заявив только, что отношения с этой страной будут строиться как с позиций необходимости разрешения проблемы северных территорий, так и в плане укрепления сотрудничества в качестве партнера в Азиатско-Тихоокеанском регионе³⁷. Таким образом, формулировки не изменились по сравнению с программной парламентской речью в октябре 2009 г., когда премьер заявил, что «будет укреплять отношения сотрудничества, рассматривая Россию как партнера в Азиатско-Тихоокеанском регионе»³⁸, упомянув при этом о необходимости заключения мирного договора, в котором будет решаться проблема «северных территорий». Можно констатировать, что коррекция японской внешней политики не влияет существенным образом на отношения с Россией и российскую внешнюю политику.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Неизменность позиции в отношении России создает неплохие перспективы на 2010 г., который по предположению Ю. Хатояма должен стать для Японии «годом повторного старта»³⁹. Первые месяцы работы кабинета Демократической партии во внешней политике дали минусовые результаты, поэтому последующие действия Японии будут в первую очередь нацелены на то, чтобы отыграть потерянное. Россия почти не просматривается во внешней политике Японии, что также дает возможность для повторного старта, если он будет предусматривать достижение совместных результатов.

³⁹ Там же.

СОКРАЩЕННАЯ СТЕНОГРАММА ДИСКУССИИ НА «КРУГЛОМ
СТОЛЕ»

Ларин В.Л.: Коллеги, мы приступаем ко второй части сегодняшнего мероприятия с вопросами, обсуждением и комментариями.

Волосастов Е.С. (3-й секретарь Представительства МИД РФ в г. Владивостоке): У меня вопрос к обоим докладчикам: каковы ваши оценки конъюнктурной жизнеспособности предложений, которые выдвигает Хатояма. Ведь рейтинг лично Хатоямы и правящей партии падает, до 40% за полгода – это достаточно сильное падение. Возможен ли такой вариант, что после ухода Хатоямы идея «умрет».

Севастьянов С.В.: Я уже этой теме касался в своем докладе. Институты, когда набирают силу, выступают как вещь в себе. Они начинают жить собственной жизнью. С моей точки зрения, идею построения Восточноазиатского сообщества связывать с Хатоямой нет никакого смысла. Эта идея была выдвинута еще Коидзуми, она уже работает с 2005 г. и очень хорошо развивается. Просто пришел Хатояма, сменилась администрация, он должен был что-то сказать – вот и предложил развивать эту идею дальше. Концепция Восточноазиатского сообщества работает, и здесь надо смотреть, скорее, не на позицию японцев, а на позицию американцев, которые предприняли все подготовительные меры, чтобы вступить в эту организацию. Значит, она им интересна, и они ее считают ведущей.

Ларин В.Л.: Я хочу задать вопрос следующего характера. Вы больше говорите об интеграционных процессах и о создании этих организаций с точки зрения экономики, но дело в том, что инициация новых структур связана и с обострением проблемы обеспечения безопасности. АТЭС практически вопросами безопасности не занимается. Восточноазиатский саммит концентрирует внимание больше на обеспечении нетрадиционной безопасности. АСЕАН занимается этими вопросами только применительно к своему региону. А ведь в Северо-Восточной Азии существуют очень острые проблемы, связанные как с Северной Кореей, так и с ростом не просто военной, но и комплексной

мощи Китая, что сильно заботит Японию, Корею и, конечно, США. Как вы думаете, с точки зрения проблем обеспечения безопасности, в каком русле будет двигаться дальнейшая интеграция в регионе?

Песцов С.К.: Для меня странно, когда мы отделяем экономический аспект интеграции от интеграции в целом. Я хочу обратиться к истокам. Почему возникла идея интеграции? Европа хотела сохранить мир и укрепить безопасность, но поскольку эти проблемы относятся к сфере высокой политики, где сложно договариваться, решили пойти снизу – с экономического сотрудничества, укрепления культурных связей и так далее. Только так можно решать проблемы безопасности. Происходит эскалация напряжения в регионе – военные расходы в Тихоокеанской Азии стремительно растут вместе с темпами экономического роста, и если вооружение накапливается, то это, безусловно, создает угрозу. С чем это связано? С сохраняющимся недоверием, существующими угрозами, латентными конфликтами и т.д. Но, на мой взгляд, изначально создание политических структур, нацеленных на ведение и организацию переговорного процесса, малопродуктивно. Ведь пока мы Корею не «откроем», пока не вовлечем ее в процессы, происходящие в регионе, мы не решим проблему безопасности, какие бы структуры ни создавались вокруг этого.

Ларин В.Л.: Сергей Константинович, тогда возникает такой вопрос. Ведь ни Кевин Радд, ни Юкио Хатояма не упоминают Северную Корею в качестве потенциального участника этих организаций, выводя Корею за «скобки». Подразумевается, что с ней необходимо решать военно-политические вопросы. Никто не предлагает втянуть КНДР в региональные экономические процессы, чтобы сделать из нее нормальное государство. Получается, что Северная Корея – это изгой.

Песцов С.К.: На самом деле проблема заключается в существовании предубеждений, которые начинают ломаться. Например, когда США почувствовали угрозу своим интересам в Мьянме, они поддержали хунту, какой бы она ни была. Почему-то с Кореей такого не происходит, что, на мой взгляд, неправильно. Если мы будем на одной стороне, а она на другой, и мы будем говорить ей, что она должна делать и что не должна делать, то в нынешней ситуации это тупик. По-

нятно, что и в противоположной ситуации возможен тупик, ведь Южная Корея прилагала целый ряд серьезных усилий, чтобы наладить диалог, но натолкнулась на сопротивление руководства КНДР. Тем не менее, именно последний вариант является реальным путем решения северокорейской проблемы.

Севастьянов С.В.: С Кореей возникла тупиковая ситуация, цугцванг. Такое ощущение, что все ждут, когда умрет Ким Чен Ир. Ни Хатояма, ни Радд не говорят о предложении принять КНДР в эти структуры, потому что КНДР – это проблемный игрок, от которого лучше абстрагироваться.

Ларин В.Л.: Пожалуйста, еще вопросы.

Герасименко А.П. (заведующий отделом информационных технологий ИИАЭ): У меня вопрос к обоим докладчикам. После смены администрации в США их внешняя политика значительно трансформируется. Как вы считаете, она стала более слабой или более гибкой, в частности, в отношении Восточной Азии?

Севастьянов С.В.: На мой взгляд, их политика стала более гибкой, но не уверен, что более сильной. Они решили разнообразить набор средств для игры на международной арене. До этого Буш считал, что США с Японией могут решить любую проблему в регионе. Сейчас стало очевидно, что США активно выступают за участие во всех многосторонних институтах. Когда только появилась идея Восточноазиатского сообщества, США сразу сказали, что хотят в него войти. Они поняли, что в регионе был вакуум, который стал заполняться Китаем. Следовательно, надо выдавливать Китай.

Ларин В.Л.: Владимир Станиславович, ваш комментарий.

Горохов В.С. (Почетный консул Австралии): С моей точки зрения, идея премьер-министра Австралии К. Радда заключается не в том, чтобы создать новую организацию для усиления динамики интеграционных процессов, а в том, чтобы сохранить существующие процессы. В период послевоенного развития многие страны решали вопросы безопасности посредством заключения двусторонних соглашений с США. Сейчас создается другая ситуация, которая активно обсуждается и в политических кругах – процессы в регионе начинают оп-

ределяться противоборством США и КНР. Самый страшный кошмар для Австралии – попасть между жерновами этого противостояния, потому что США – важнейший партнер Австралии в области безопасности, а Китай – в области торгово-экономического сотрудничества, и его значимость постоянно растет. Если начнется какой-либо конфликт между США и КНР, то трудно даже представить его последствия для Австралии. В основе предложения премьер-министра К. Радда лежит задача создания площадки, которая бы способствовала решению конфликтов между США и Китаем при содействии «средних» стран региона. Если говорить о структуре этой организации, то она должна быть очень гибкой. Австралия успешно участвует в АСЕАН, АСЕАН+3 и других организациях, решая в них свои экономические задачи. Австралия также активно развивает двусторонние экономические отношения. Существует целая сеть уже подписанных соглашений о зоне свободной торговли (ЗСТ). По ЗСТ сегодня ведутся переговоры с Китаем. Идея К. Радда прежде всего заключается в создании условий, которые позволили бы Австралии, будучи «средней» страной региона, обеспечить себе устойчивый рост в условиях нарастающего противоборства США и КНР, с которым ни одна из существующих организаций – ни АСЕАН, ни АТЭС – не в состоянии справиться.

Ларин В.Л.: Спасибо, Владимир Станиславович. Александр Евгеньевич, Вам слово.

Кожевников А.Е. (декан факультета китаеведения ДВГУ): Вопрос у меня, скорее, к Сергею Константиновичу. Вы в своем докладе говорили, что, если у России и есть шанс интегрироваться в региональные структуры, то этого можно добиться только за счет повышения самостоятельности регионов, в частности, Дальнего Востока и Сибири. До какой степени, по Вашему мнению, может распространиться эта самостоятельность, и не будет ли это, наоборот, угрозой быстрого поглощения Китаем дальневосточного региона. Я, безусловно, согласен, что определенная самостоятельность нужна, ведь Москва просто не понимает и не сможет понять те процессы, которые здесь происходят. Но в децентрализации есть потенциальная опасность,

ведь если Дальний Восток оторвется от центра, то самостоятельно не выживет.

Песцов С.К.: Здесь есть целый ряд вопросов. Во-первых, мы многие вещи воспринимаем, как очевидную угрозу, которая, может быть, и не является таковой. Например, когда Китай начинал активизировать сотрудничество в субрегионе Большой Меконг, он стоял перед лицом больших угроз, связанных с незаконной торговлей, нелегальными людскими потоками, наркотрафиком. Открывать свои границы в таком проблемном регионе было крайне опасно. Тем не менее ничего страшного при умелом управлении не произошло. Во-вторых, ликвидация границ – не есть абсолютное благо, это огромное количество угроз, которые мы должны учитывать. Но выстраивание непроницаемых пограничных линий не решает ни проблемы наркотрафика, ни другие проблемы, что видно на примере взаимодействия России с Центральной Азией. В-третьих, существует представление о том, что как только мы предоставим определенную самостоятельность Сибири и Дальнему Востоку, они либо займутся сепаратизмом, либо начнут предпринимать прочие нежелательные для Центра действия. Я не уверен, что для такого предубеждения существуют реальные предпосылки. Ведь совершенно понятно, что эти регионы с учетом демографической и экономической ситуации не смогут существовать в качестве самостоятельного игрока.

Ларин В.Л.: Сергей Константинович, Вы идеализируете Китай в его «правильности», его стремлении переводить «нелегальное» в «легальное» и т.д. Ведь именно Китай поддерживал челночную торговлю, массовую контрабанду. Стоит посмотреть на разницу данных китайской и российской статистики торговли – 6–8 миллиардов долларов США уходило в Китай неучтенными. Если у нас доходы от нелегальных форм торговли идут в карманы частных лиц, то в Китае это все контролируется и регулируется.

Кожевников А.Е.: Сергей Константинович, большое спасибо за ответ, здесь есть над чем подумать. Хотел бы поговорить насчет трансграничного сотрудничества. Я несколько знаком с проектом Большой Меконг и с действиями Китая в рамках этого проекта. Меня поразило,

что в его основе лежали не экономические цели, а социальные: повысить жизненный уровень, улучшить экологическую обстановку, улучшить ситуацию с водоснабжением и т.д. Когда мы выстраиваем взаимодействие с Китаем, наши предложения ограничены увеличением поставок нефти, прокладыванием определенного километража дорог, т.е. предлагаются исключительно экономические цели. Например, при согласовании планов возрождения Северо-Востока и программы развития Сибири и Дальнего Востока можно было бы заложить не экономические, а социальные цели, что придало бы общей программе большую эффективность.

Ларин В.Л.: Я полностью согласен с Александром Евгеньевичем. У меня еще один вопрос. Какие цели Россия фиксирует, заявляя о своей интеграции в АТР?

Песцов С.К.: Вся беда заключается в том, что как таковых рационально сформулированных и понимаемых целей и интересов здесь нет. Я не встречал документа, в котором бы излагались во внятном виде среднесрочные и долгосрочные стратегии. Многие наши действия носят исключительно конъюнктурный, односторонний характер. Мы старались попасть на Восточноазиатский саммит и были очень рады, когда нас пригласили на это мероприятие. А в результате что? Не совсем понятно, зачем нам этот саммит.

Ларин В.Л.: А как же концепция российского участия в АТЭС, подписанная Путиным в 2001 году?

Севастьянов С.В.: Она уже устарела, к тому же она не системна. Например, в концепции безопасности России такого региона как АТР нет, он там не упомянут.

Песцов С.К.: Я, наверное, идеализирую Китай, как вы говорите. Но это, скорее, от зависти. Для меня лично действия Китая внушают опасения как гражданина своей страны. Несмотря на все заявления китайской стороны о дружбе, совместных действиях и т.д., Китай настойчиво проводит свою линию, чтобы ограничить Россию по целому ряду направлений. Из Центральной Азии нас сознательно вытесняют, чтобы переориентировать потоки углеводородов на себя или через Иран и Пакистан в Индийский океан. Они об этом открыто говорят и

пишут. Мы не понимаем, для чего нам Центральная Азия. Собираемся строить совместно с Узбекистаном гидроэлектростанцию, тем самым вызвав скандал во всей Центральной Азии, поскольку водные ресурсы – это болевая точка данного региона, и наш проект ущемляет интересы целого ряда государств. Как так можно было рассчитывать свои действия? Мы должны понимать, чего мы хотим добиться в регионе и чего хотят там добиться наши партнеры. Вы говорили, что Китай поддерживает нелегальную торговлю с Россией, что совершенно верно, и он в этом прав. Ведь нелегальная торговля наносит ущерб не им, а нам. Китай же открыто говорит, что «...это ваши проблемы, вы регулируйте».

Ларин В.Л.: Проблема в том, что, когда мы стали регулировать эти процессы, китайцы начали шуметь и обижаться.

Песцов С.К.: Виктор Лаврентьевич, а что значит «мы начали регулировать» – мы просто решили поставить заслон и сказали: «Всё, мы отрегулировали!». Торговля соответственно сразу упала. Так и с японскими машинами. Подняли пошлины – все отрегулировали.

Ларин В.Л.: «Хорошее» регулирование. Я недавно натолкнулся на таможенную статистику Дальнего Востока за девять месяцев: таможенные платежи упали на 5 миллиардов. Вот и все наше регулирование.

Волосастов Е.С.: В декабре прошлого года я ездил в Хуньчунь на рабочую встречу Расширенной Туманганской инициативы по транспорту. Наблюдая происходящее, можно сделать вывод, что Китай принимает Россию, как набор разрозненных, никак не взаимосвязанных между собой ведомств, с которыми можно решить любые вопросы, разделив их по частям. Могу привести пример. Недавно приходит в наше посольство официальное обращение о том, чтобы российская сторона снизила таможенные платежи на транзит контейнеров по российской территории на 14 долларов США, так как эти 14 долларов США убивают транзит полностью. Учитывая, что транзит контейнера от границы Китая до портов Приморья составляет около 700 долларов США, то очевидно, что 14 долларов США не играют никакой роли.

Параллельно идет работа с другим ведомством снизить стоимость на копеечку. Вот как нас воспринимают в Китае.

Ларин В.Л.: Этот пример мне сразу напомнил о том, как строилась приграничная торговля в Кяхте 200 лет назад. Китайцев каждый вечер собирает амбань и всем дает указание по ценам на товары. На следующий день китайцы выходят консолидированно торговаться с русскими купцами. Русские же купцы были очень разрозненны – каждый сам по себе. Так и сегодня китайцы выступают по одной установке, а у нас даже ведомства, не говоря уже о компаниях, работают под себя. Два дня назад у нас был «круглый стол», посвященный 60-летию российско-китайского договора от 14 февраля. И там вспомнили последнюю нашу шумевшую книгу, изданную в Китае, – «Китай недоволен», в которой Россию сравнивают с большим желтым огурцом – пусть он себе лежит, и никому не мешает. Вот такое отношение Китая к России.

Врадий С.Ю. (заместитель директора ИИАЭ): Мне очень приятно, что вы вспомнили исторические параллели. Должен сказать, что это отношение к России, к моему сожалению, сохраняется с очень давних времен. Подобного рода разделение противников, сталкивание их между собой сохраняется, но теперь этот принцип действует на уровне ведомств. Чтобы наиболее четко выстраивать политику в отношении Китая, необходимо представлять, как в Китае воспринимают Россию, какой образ у них сложился о нас. Я не согласен с тем, что они дадут нам спокойно «лежать» в качестве желтого огурца. Они будут продолжать разделять нас по ведомствам, регионам, сталкивать интересы ведомственные и региональные. Если даже смотреть на политику Китая в отношении Амурской области, Хабаровского края и т.д., то окажется, что они пытаются играть на региональных противоречиях для более выгодного вывоза леса и т.д. Сергей Константинович, спасибо большое Вам за великолепный доклад – в нем много над чем стоит призадуматься. Но я хочу согласиться с мнением Виктора Лаврентьевича о том, что не нужно идеализировать Китай.

Лапин М.А. (научный сотрудник ИИАЭ): Я раньше работал в Администрации Приморского края и поэтому хотел бы добавить к во-

просу о самостоятельности региона. Из доклада складывается впечатление, что Россия и ее регионы хотят интегрироваться в АТР, но другие страны нас не пускают. У меня сложилось такое ощущение, что и сами регионы не очень-то стремятся к интеграции. Например, есть такая региональная структура, как Восточноазиатский туристский форум, в который нас тянут 10 лет. Туда входят все страны-члены АТЭС кроме Монголии. Общение происходит на уровне губернаторов, вице-губернаторов. Помимо туризма там обсуждаются и другие вопросы. Но мы туда категорически не хотим вступать, хотя нас каждый год приглашают.

Ларин В.Л.: Еще есть комментарии.

Севастьянов С.В.: Интересная дискуссия у нас получилась. Мы совместили международные аспекты сотрудничества с региональными и трансграничными. Тем не менее мы все время выходим на китайскую позицию. Получается, что наше участие в международных организациях в чем-то уже контролируется Китаем. Раньше в АТР Япония была главным игроком, а сейчас вся работа идет через Китай. В 90-е годы никто не возражал против нашего вступления в международные организации, но сейчас ситуация изменилась. В последнее время мы пытались вступить в две структуры: шестисторонние переговоры и Восточноазиатский саммит. Когда мы предложили вступить в шестисторонние переговоры, нас, в общем-то, никто не звал – ни американцы, ни китайцы. Нас приняли благодаря «лоббированию» Северной Кореи. Также и с Восточноазиатским саммитом, где нас, по сути, «лоббировала» Малайзия. Получается, что нас поддерживают малые страны, а крупные игроки сохраняют нейтралитет. Китай хочет выстраивать с нами исключительно двусторонние отношения, так как здесь мы во всем проигрываем. Они не очень заинтересованы играть с нами в рамках многосторонних форматов, где придется действовать на равных условиях.

Врадий С.Ю.: Сергей Витальевич, я совершенно с Вами согласен. Существует очень четкая китайская позиция, которая прослеживается с XIX века – «разделяй и властвуй». Двусторонние отношения позволяют добиться от более слабого партнера уступок, которые в по-

следующем можно использовать на международной арене. Также необходимо учитывать, что Китай всегда воспринимал Россию в качестве «чужого», а «чужой» – значит враг. Это восприятие сохраняется и по сей день, поэтому нас вытесняют и из Центральной Азии и с Дальнего Востока. С учетом этого нам необходимо проводить самостоятельную политику, не полагаясь во многом на Китай.

Ларин В.Л.: Подводя итоги дискуссии, нужно поставить вопрос, как же нам интегрироваться в АТР? Действительно, процессы идут, а мы не проявляем никакой инициативы. Если нам удастся проникнуть в структуры, созданные другими участниками региона, мы там ничего не делаем, как произошло в случае с АТЭС или Восточно-азиатским саммитом. Есть ли «рецепты»? Я думаю, что сейчас их трудно будет сформулировать. Тем не менее просьба к участникам: при подготовке докладов для сборника изложить свои предложения и рекомендации для региональных и центральных органов власти по обсуждаемым вопросам. В преддверии предстоящего форума АТЭС эта тема очень актуальна.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	1
Ларин В.Л. Институциональный компонент региональной интеграции: российский вектор	2
Песцов С.К. Азиатско-Тихоокеанский регионализм: теоретические проекты и практика региональной интеграции	7
Севастьянов С.В. Новый проекты Азиатско-Тихоокеанской интеграции и возможности российского участия.....	17
Толстогузов С.А. Внешняя политика Юкио Хатоямы. Итоги первых месяцев.....	32
Материалы обсуждения.....	46